

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ХЕРСОНЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК

АНТИЧНЫЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД

Тезисы докладов VII Святицких чтений

Севастополь, 25 августа – 4 сентября 1994 г.

Екатеринбург – Севастополь
1994

Печатается по решению Ученого Совета
исторического факультета УрГУ

Античный и средневековый город.
(Тез. докл. VII научных Сюзюмовских чтений). –
Препринт.
Уральский университет. Екатеринбург, 1994. – 68 с.

Компьютерный набор выполнен в Лаборатории
Византийской археологии исторического
факультета УрГУ

Подписано в печать 15.01.95. Формат 60 x 84 1/16.
Печать офсетная. Усл. – печ. л. 4,5. Уч. – изд. л. 4,57.
Тираж 100. Заказ N 203. Бумага писчая N 1.

Типолаборатория УрГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

Поляковская Н.А.

Екатеринбург

МЕСТО ГОРОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ВИЗАНТИИ

М.Я.Сюсюмов, памяти которого посвящены чтения, считал город основной византийской историей. В одном из писем он написал, что византийский город был "центром ... сохранения цивилизации" (ГАСО Ф. Р-802. Оп.1. Д.154. Л.4).

В связи с этим обратим внимание на то, что французский исследователь Жак Ле Гофф и М.Я.Сюсюмов, рассматривая вопрос о своеобразии развития ряда территорий в рамках средневековья, называют примерно один и тот же их набор: Ле Гофф - Венецианскую республику, Великое герцогство Тосканское, вольные ганзейские города (перевод. 1992. С.276), а Сюсюмов - Венецию, далматинские и ганзейские города (ВО. 1961. С.36). Первый из исследователей выделил эти группы территорий, чтобы противопоставить их средневековому Западу, а второй - чтобы сблизить с ними Византию. Заметим также, что в том же исследовании "Цивилизация средневекового Запада" Ле Гофф проводит другую параллель - Запад и Византия, написав, что Византия до XI в. явно превосходила Запад "по степени развития денежного хозяйства, городской цивилизации" (С.184). Действительно, отличие названных территорий, равно как и Византии, от раннесредневекового Запада заключалось в их городском цивилизационном стиле, в то время как, по Ле Гоффу, на Западе "средневековая экономика носит главным образом аграрный характер" (С.209); "земля и аграрная экономика являются основой и сущностью материальной жизни" (С.196). На выделенных же территориях города в течение долгого времени составляли костяк всей жизни (С.276).

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между итальянскими или тем более ганзейскими городскими территориями, названными Ле Гоффом "городскими островками", и Византией, представлявшей только по размеру ее территории по крайней мере огромный остров, если не отдельный континент. Однако подобное сравнение имеет смысл.

Действительно, роль города, прежде всего Константинополя, который византийцы называли просто полис или мегалополис, велика. Не случайно, некоторые исследователи именуют Византию Константинополитанией.

Проблема византийского города, особенно крупного, является одной из наиболее изученных. Значителен вклад в разработку этой проблемы

ученых различных профилей - историков, археологов, нумизматов, филологов.

Византийский город, как и империя, имел тысячелетнюю историю. Как известно, ранневизантийский город представлял собой античный полис. В V-VI вв., при непродолжительных стагнационных периодах, он переживал состояние кризиса, когда сословие куриалов теряло свои позиции, а земли полиса переходили в руки фиска и частных лиц. Куриалы, становясь государственными чиновниками, обладали приоритетом в покупке полисных земель. Городское население в ранний период византийской истории превосходило сельское, составляя четверть всего населения империи. Город имел довольно значительный субурбий - пригородный район, обслуживающий интересы города. Город доминировал над деревней и эксплуатировал ее.

С середины VII в. империя переживала глубочайший упадок, на фоне которого провинциальные и малые города находились в состоянии кризиса, а экономическая активность Константинополя была ограничена. Мелкие и средние города аграризировались. Лишь крупные города, прежде всего Константинополь, Фессалоника и немногие малоазиатские города, сохранили значение не только административных, но и ремесленно-торговых центров. Крупные города собирали население пригородов и мелких городов. Они пережили "темные" страницы своей биографии. В IX в. они входят одновременно прежними и новыми. Здесь лежит корень спорной проблемы - развивался ли крупный византийский город по континуитетной или дисконтинуитетной модели. Заняв в этом вопросе позицию "золотой середины", стоит видеть при этом то общее, что объединяет город, условно говоря, доцезурный и постцезурный: это генезис городской знати и то место, которое занял город в системе государственного управления.

Превращение верхушки куриальной знати в столичную служилую знать было следствием кризиса власти, создающей себе социальную опору во времена поиска путей выхода из кризисной ситуации. В Константинополе формировалась бюрократия, олицетворявшая центральную власть. В VII-VIII вв. старые органы власти сосуществовали с новыми. Исауры пытались поднять авторитет столицы и упрочить этим свой авторитет. Как известно, Константин V обязал крестьян продавать горожанам зерно по принудительно низким ценам, установив в Константинополе стабильные цены на хлеб. Константинопольский продуктовый рынок был дешевым, а налог на крестьян в угоду городу возрастал (Литаврин. 1985. С.115). Таким образом, и в отношении "темных веков" нельзя сказать о превалировании деревни над городом, поскольку экономические процессы корректировались

государством. Столичная бюрократия играла определенную роль в управлении государством. Эта городская знать генетически была связана с той, которая раньше возглавляла городское самоуправление полиса и владела примыкавшими к городу землями.

Географические особенности Византии давали преимущества в развитии крупным приморским городам-эмпориям, прежде всего Константинополю. Это, в свою очередь, благоприятствовало возможности пойти по пути развития, условно называемом "венецианским". В конечном итоге этого не случилось в силу ряда причин и прежде всего по причине постоянного соперничества рано начавшей феодализироваться провинциальной знати, но возможность так называемого "венецианского" пути долго сохранялась.

Существование крупного византийского города в системе централизованного государства корректировало отношения города и деревни. Пригород эмпория - проастиий - служил потребностям города. И в X-XI вв. крупный город продолжал господствовать над деревней. Государственное налогообложение способствовало этому. Исследователи признают превалирующее значение крупного города над деревней вплоть до XI в. включительно.

При Комнинах имели место попытки изменить характер государственной власти. Этот период, определяемый как "вестернизация" (Каждан), отмечен развитием провинциальных городов и преобладанием провинциальной знати. Наметились попытки изменения характера государственной власти и общества, однако в конечном итоге она была безуспешной, а действия Андроника I способствовали упрочению при Ангелах традиционных форм власти. Крупный византийский город не был в XII в. тем институтом, который, по Ф.Броделю, являлся бы своеобразным трансформатором, повышающим напряжение и ускоряющим движение общества: он носил уже черты "уточенности", а льготы итальянским купцам, данные Комнинами, усугубили их. Город как каркас общества утрачивал свою прочность. IV крестовый поход сделал то, что не смогли сделать столетия византийского средневековья: была разрушена централизованная государственность. После шести десятилетий латинского владычества Византия восстала, но уже в другом качестве, несмотря на мимикрирующую идеологию. Государственная власть теряла прежнее значение, и лишь иностранные "вливания" имитировали облик активной городской жизни. Деревня же, напротив, развивалась в сторону упрочения феодальных институтов. Впервые в истории Византии город не довлел над деревней.

Возвратимся к вопросу о судьбах городских "островков" средневе-

ковья. Итальянские города Северной и Средней Италии с конца XV в. постепенно входят в состояние упадка. В этот период происходит феодализация городской верхушки, что было названо В.И.Рутенбургом "своеобразным вторым изданием итальянского феодализма" (Италия и Европа. С.121). Зачастую утрата значимости итальянских городов к концу XV в. связывается с изменением морских путей торговли в условиях географических открытий, а также с переходом основных стран Западной Европы к политике протекционизма, что приводило к сокращению для Италии рынков сбыта и источников сырья. Однако прежде всего следует учитывать природу итальянского города. Он имел античное происхождение, посредническое положение между Востоком и Западом, раннее развитие, основанное на торговле и, что необычайно важно, город политически господствовал над деревней (Баткин. 1970. С.246). И контадо, сельская округа, и дистретто, вся территория государства, зависели от города. Сельская территория эксплуатировалась городом и экономически (поставка продовольствия, закупка селянами соли в фиксированных размерах по завышенной цене и многое другое).

Что же общего у крупных византийских и итальянских городов?

Прежде всего, характер их рождения - не на основе деревенских институтов. Это обеспечивало их раннее развитие и постепенное затухание в силу некоторого несоответствия аграрной основе средневековой цивилизации. Западноевропейские же города имели деревенское происхождение (пусть даже на месте старых городов) и постепенно преодолевали это качество естественным путем. Обратимся в связи с этим к наблюдениям Ле Гоффа: "Но в итоге оказалось, что города, сумевшие в средние века стать государствами - Венецианская республика, Великое герцогство Тосканское, вольные ганзейские города, - двигались против течения истории, их существование мало-помалу становилось все более анахроничным. Италия и Германия - страны, где города долгое время составляли политический, экономический и культурный каркас, отстали от других стран, добившись объединения лишь в XIX в. Городское средневековое общество не имело перед собой исторического будущего" (С.276).

Наблюдения Ле Гоффа в некоторой степени приложимы и к истории византийского города. Крупный город-экспорт, и прежде всего Константинополь, возникнув на античной основе, рано достиг процветания и через систему государственного налогообложения господствовал над деревней. По мере вступления Византии на феодальный путь он начал медленно утрачивать свои позиции, не вписываясь в новую систему. Поскольку госу-

дарство было защищено нормами централизованного управления и права, этот процесс (равно как и процесс феодализации страны) был медленным. Лишь в палеологовский период на фоне неблагоприятных внешнеполитических обстоятельств система "город-государство" окончательно разладилась.

Можно предположить, что если бы не турецкая агрессия, империя ромеев, переболев феодальной раздробленностью в византийском варианте, постепенно, может быть, к XVII - XVIII вв. стала бы новым государством - Грецией.

Сайко Э.В.

Москва

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В РАЗВИТИИ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

В историческом познании и характеристике древнего и средневекового города при наличии двух научно обоснованных позиций - утверждение континуитета в развитии города и разрыва, прерывистости в этом развитии - объективно (в том числе в силу глубокой специализации антиковедения и медиевистики) он исследуется раздельно как социальный организм исторически разных (и это очень важно) формаций и в связи с объяснением последних. Однако, существуя лишь в конкретно-исторических формах и выражая существенные (формационные) особенности и закономерности исторически определенных состояний развития древнего и средневекового общества, город в его субстанционной сущности опосредуется закономерностями, характером и условиями развития более сложной и емкой (в исторической дистанции функционирования) социальностью. Ее определяют: разделенное производство; разделенное, глубоко стратифицирующееся в своем развитии общество; частная собственность; стоимостные отношения; индивидуализация субъекта как одного из важнейших моментов распада родовых отношений (принципиально иной категории связей). В своем сложном, системно значимом взаимодействии они и образуют объективно особую урбанизационную среду как необходимое свойство этой социальности, которая и реализуется городом, включает его возможность и необходимость, проявляемые в разной степени, формах. Как организм специфической развивающейся социальности, город обладает имманентным свойством "логического" саморазвития. Именно поэтому при всей специфике подхода

к изучению и объяснению древнего и средневекового города (в том числе при раздельном исследовании) необходимо сохранять и принцип единства "измерения" и оценки города в его субстанционально значимом содержании в процессуальной характеристике последнего. В то же время существуют особые параметры и критерии поуровневой дифференциации городов в обще-исторической перспективе их развития. В их числе (но в соответствующем по значению ряду и опосредовании): емкость и особенности общего пространства функционирования города как социального явления, характер социокультурно-пространственной дифференциации поселений, степень и содержание индивидуализации субъектов города (связанной, в частности, со специализацией деятельности и развитием частнособственнических начал), особенностью позиции города (городского общества) как субъекта исторического действия и т.д., которые фиксируются опосредовано археологически и по письменным источникам и которые требуют специального объяснения. Корстко, в частности, можно отметить следующее.

Древнейший период в историческом развитии города - это процесс выделения его как особой структуры в общей социально-пространственной организации общества и как организма, кумулирующего и интегрирующего новые (частнособственнические, стоимостные) отношения специализирующихся в конкрет: их видах деятельности (производственной и непроизводственной сфер) и индивидуализирующихся в ней субъектов, - отношения, не вмещающиеся в рамки общинных норм и собственно родовых связей. К концу III - началу II тыс. до н.э. уже существовали значительные и расширяющиеся в тенденции: емкость, плотность, сложность урбанизационной среды и определенное пространство ее "действия", обеспечивающее возможность выделения, соответствующий характер и условия функционирования города. Крито-микенские города при всей специфике их развития входили в рамки этого пространства.

Древний город - это период оформления на основе накопления соответствующей плотности и при определенной структуре урбанизационной среды - города как главного субъекта исторического действия, организующего общество, выполняющего особые функции в структурной организации урбанизированного пространства (имеющего свои специфические характеристики), противостоящего в целом всему "другому", не входящему в него. Сведения античных авторов о китайских тканях в Риме, сообщения о бактрийских купцах в Александрии и римских купцах в Средней Азии являются показателем активно действующего "рабочего" пространства города огромного региона на основе устойчивых торговых связей.

Полис - особый вариант осуществления урбанизационных процессов (обстоятельства его происхождения и особенности дискутируются). Отметим лишь, что процесс индивидуализации субъектов происходил не только на уровне индивида, отдельных групп (как например, большесемейных специализированных общин III - II тыс. до н.э.), но и такого особого коллектива, как городская община города - "равных", свободно (объективно не только по отношению к рабам, но и от родовых связей даже при сохранении общинно-родовых форм организации новых по содержанию и сущности частнособственнических отношений). С социально-политической позиции античных философов (Демокрита, например) такой город-полис воспринимался как единый, неделимый, наиболее целесообразный тип политического бытия. Такой тип города наиболее легко порождал колонизацию как форму сегментации единого целого.

Средневековый город функционировал в новых пространственных координатах и новых урбанистических структурах. Формирующаяся с самого начала возникновения города (в его противопоставлении другим типам поселений) деревня оформляется здесь как самостоятельный субъект новой структуры социально-пространственной организации общества, где противоположность города и деревни становится определяющей. Образуются крупные, дифференцирующиеся по специфике развертывания урбанистических процессов регионы: Западная Европа - северная, центральная и южная, Средний Восток, Восточная Европа и т.д. Как особый культурно-исторический вариант раскрывается исследователями город Византии. Процессы индивидуализации и самоопределения происходили в средневековье по новой схеме (прежде всего за счет усложнения структуры деятельности, изменения отношений отчуждения труда и частной собственности). В рамках города как субъекта исторического действия активно индивидуализируются сословные группы. Осуществляется реальная, но на соответствующем уровне персонификация индивида как субъекта более сложной социальности и действующего в более сложном культурно-историческом пространстве. Последнее раскрывается нам в средневековой литературе, в памятниках материальной культуры, в организации архитектурного пространства города.

Романчук А.И.

Екатеринбург

**ЗНАЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХЕРСОНЕСЕ
ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА**

Херсон (Херсонес) относится к числу немногих византийских городов, для которых имеются (хотя и ограниченный круг) письменные источники и на территории которых производятся систематические, более или менее масштабные, археологические раскопки (Пергам, Сарды, Ефес, Милет, Нессебр и др.). По мнению многих византийцев, археологические данные приобретают все большее значение для выявления особенностей развития городских центров в Византии; они дают "новый импульс" для анализа различных аспектов их истории, прежде всего для изучения ремесленной деятельности и торговых связей (В.Брандес). В то же время исследователи постоянно отмечают, что степень археологической изученности большей части византийских городов, на территории которых производятся раскопки, не позволяет представить изменение размеров площади городов в различные периоды, структуру и характер внутриквартальной застройки (Х.Бурас). Для поздневизантийского времени некоторым исключением являются работы доктора В.Радта в Пергаме, которые позволили выявить облик городских кварталов, составить представление о планировке и размерах жилой усадьбы. Однако в целом историки-урбанисты констатируют, что состояние археологических источников является неудовлетворительным, подчёркивая при этом наилучшую археологическую изученность средневековых памятников Херсонеса.

Особенностью Херсонесского городища, в отличие от многих византийских городов, является отсутствие значительных строительных работ нового времени, возможность производить планомерное исследование целостных кварталов и более того районов города. Кроме того, с самого начала археологических раскопок в Херсонесе большое внимание уделялось изучению средневековых слоев и построек. Это было обусловлено прежде всего тем, что Херсон (Корсунь) представлял интерес как возможное место крещения русского князя Владимира. Именно поэтому здесь, в отличие от других византийских центров, существовавших в античное и средневековое время, "величие и масштабность античных памятников" не привели к

разрушению без должной фиксации "средневековые уровни" (Х.Бурас), как это имело место в таких прославленных центрах античной цивилизации как Афины, Коринф и другие. Ранее, чем в других местах, в Херсонесе возникли комплексные экспедиции, включавшие в свой состав археологов-античников и медиевистов.

К настоящему времени для Херсонеса в основном получено представление о периодизации строительства фортификационных сооружений (К.Э.Гриневич, А.Л.Якобсон, И.А.Антонова); выявлены культовые постройки различных эпох (А.Л.Якобсон, О.И.Домбровский, Ю.Г.Лосицкий), в том числе и кварталные храмы-усыпальницы; собрана значительная коллекция различных бытовых предметов и имеются сведения о ремесленных мастерских.

Особое значение имеет такой аспект археологических исследований, как стратиграфия городища, основы изучения которой были заложены в прошлом веке (К.Косцюшко-Валюжинич), в последующем разработаны сотрудниками Херсонесского заповедника, среди которых особая роль принадлежит И.А.Антоновой и С.Ф.Стржелецкому (к сожалению, Стржелецкий не успел обобщить свои наблюдения). Исключая маловыразительные и с трудом выявляемые культурные слои, образовавшиеся в ходе обычной жизнедеятельности, на территории Херсонесского городища прослежены слои разрушения с обильным массовым материалом, которые относятся к концу VI - середине VII в., началу XI в., XIII и XIV в.

Таким образом, массовый археологический материал позволяет получить данные относительно небольшого отрезка времени, предшествующего разрушению комплекса. Находки для хронологических промежутков между каждым новым строительством и разрушением единичны.

Период функционирования построек заполняет лакуны, которые возникают, если учитывать только время бытования массового археологического материала.

Отсутствие критического подхода к специфике археологического источника в большинстве случаев приводит к выводам о кризисном или стагнационном развитии, более того - о "запустении и обезлюдении" городских поселений в те периоды, для которых археологические данные малочисленны или отсутствуют. Особенно сказывается это в ходе изучения одной из дискуссионных проблем - судеб византийского города в период "темных веков". (Кроме того количество комплексов, находок уменьшается от верхних, более поздних слоев к ранним, что вызвано разрушениями при каждом новом строительстве).

Аналогичная ситуация существует и в других византийских городах, для которых, как и для Херсона, имеются "археологические лакуны", поскольку (и это необходимо подчеркнуть) материалы раскопок, свидетельствующие о результатах каких-либо событий, не отражают последовательной (хронологически непрерывной) картины жизни города. Восполнить ее могли бы письменные источники, сведения которых незначительны для всех периодов истории городов Византии. (Для Херсона, например, количество данных нарративных источников для VII-X вв. превышает сведения для более позднего времени). Собственно для Херсонеса археологические материалы в совокупности с данными письменных источников позволяют говорить о непрерывном развитии этого центра с VI по XIV в., о наличии здесь ремесел и торговли.

Раскопки сельской периферии Херсона, археологические работы на которой редко производятся в других районах Византии, дают материалы для изучения изменений торговых связей. Количество находок с середины VII-X вв., известных в Средиземноморско-Черноморском регионе, для Херсонеса резко сокращается; вместе с тем, например, встречаются варианты амфор, характерные для сельских поселений Юго-Западного Крыма, что говорит о преобладании связей с сельской периферией. Возможно, это является одной из причин сокращения деятельности Херсонского монетного двора: в связях с сельской округой преобладали натуральные отношения.

Начиная с X-XI вв. среди керамических находок Херсона встречаются материалы, свидетельствующие о торговой активности данного центра в Средиземноморско-Черноморской торговле.

Многочисленные комплексы поздневизантийского времени позволяют рассматривать городскую застройку, отличия во внутриквартальной планировке; сопоставление находок по отдельным усадьбам отражает занятия их обитателей. Инвентарь усадеб представляет прежде всего ремесленные занятия херсонитов, но сельскохозяйственный инструментарий малочисленен.

Что же составляет наибольшую значимость археологического изучения Херсонесского городища в плане исследований других византийских центров?

1. Возможности разработки проблем стратиграфии и ее особенностей для непрерывно развивающихся поселенческих структур.

2. Сопоставление событийной истории, отраженной в письменных источниках, с отложившимися на городище культурными слоями, оводя подход к вопросу об интерпретационных возможностях археологического источника.

3. Объяснение причин "археологических лакун", которые не всегда были связаны с прекращением жизни на поселении.

4. Выявление особенностей развития пограничных византийских городов, не прекративших существование в результате каких-либо внешнеполитических событий.

Наконец, более частные вопросы, связанные с возможностью получения хронологических шкал находок, особенно для поздневизантийского времени; большое значение имеют также данные для восстановления облика городских кварталов, планировки и размеров жилых усадеб, занятий их жителей. Коллекция меток на черепице - источник для изучения организации и масштаба производства, сюжеты на глазурированной посуде - комплекс данных для суждений о городской (светской) культуре, а также, как и находки амфор, об основных направлениях торговли.

Медведев И.П.

С.-Петербург

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В своем выступлении мне хотелось бы затронуть и по возможности развить проблему, о которой уже имелся случай говорить на защите докторской диссертации А.И.Романчук (Екатеринбург, апрель 1991 г.), посвященной теме "Топография византийского города как отражение его функций (на материалах Херсона)". Речь идет о самом понятии "топография города". Оно традиционно освещено всеобщим употреблением и, разумеется, вполне уместно. Но в то же время представляется явно недостаточным, если иметь в виду усложнившийся подход к изучению городской среды. Непонятно, почему археологи и историки-урбанисты столь упорно не принимают, казалось бы, напрашивающегося понятия "историческая экология". Даже Кирилл Манго, изучающий развитие Константинополя как городского центра фактически методами исторической экологии, избегает употребления этого понятия.

Между тем, это не блажь и не дань моде: ведь если в понятии "историческая топография" превалирует элемент статичности, данности, фиксированности результатов развития, то "историческая экология" предполагает выяснение процессов становления и развития городского организма

в его "четвертом измерении" - во времени. Именно "историческая экология", на наш взгляд, может дать адекватные ответы на вопросы возникновения и функционирования городской среды, способов использования территории, заполнения внутреннего пространства, приспособления городской среды к менявшемуся со временем пейзажу (например, к изменениям береговой линии в морских портах), демографических процессов (становления городской общности из разнообразных элементов - местного, населения переселенцев, мигрантов; размещения жителей городов; уровня удовлетворения потребностей, например, в водоснабжении и т.д.; выделения, наконец, "зон престижа", развития мест культа и "сакральной символики". Речь фактически идет о выявлении "идеи города" (по выражению Д.С.Лихачева), о "стратегии развития" городского пространства или, пользуясь терминологией Самсоновича, о "концепции городского пространства". Причем, использование метода "исторической экологии" может оказаться плодотворным при изучении самых различных типов городских византийских центров: "исторических городов" с территориальным континуитетом (каким был, например, Херсонес); "искусственных созданий" с заранее продуманной пространственной планировкой (к ним Манго относит Константинополь, уподобляя его таким "искусственным" городам мира, как Вашингтон, Санкт-Петербург, Анкара); так называемых "новых городов", явившихся результатом пространственного перемещения старых городских агломераций, нередко со сменой имени ("процесс трансурбанизации"). Метод "исторической экологии" тем более напрашивается быть использованным, что элементы его уже применяются (стихийно) в исследованиях, скорее под видом топографии (скажем, у той же А.И.Романчук при анализе археологической ситуации квартальной застройки в Херсонесе, при выявлении археологических данных о бытовании населения, его производственно-профессиональной ориентации, при выявлении "идеологических доминант" и социально-значимых зон, - я бы назвал их "элементами престижа"). Но только признание за этим методом "прав гражданства" в полном объеме приведет к системному его использованию. Излишне напоминать, что такое его использование должно вестись не в кабинете, не за письменным столом (подобно тому, как пишутся эти строки), а в процессе живой, практической, полевой археологической работы.

Бибииков М.В.

Москва

**ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ПОРТОВ. X - XV ВВ.**

Одной из интереснейших тем современного изучения феномена средневековой урбанистики является проблема городского пространства. Анализируется соотношение роли природного ландшафта и строений в развитии хозяйственной жизнедеятельности городов. Рассматривается взаимосвязь городской экономики и пространства, структуры города (в связи с местоположением населенных пунктов по отношению к рельефу местности, морям и речным артериям, главным путям сообщения регионов и т.п.). При изучении городской застройки специально обращается внимание на отмеченный нередко полицентризм средневекового города (рынок - главный храм - порт - кварталы иноземцев), в разных случаях то более, то менее ощутимый.

В этой связи представляется интересным проанализировать в указанном отношении средневековые города-порты Северного Причерноморья, отмеченные, как известно, за период второй половины "византийского тысячелетия" следами экономической культуры как греческой, так и итальянской, тюрской, русской, аланской и т.д.

Херсон и Боспор представляются в начале рассматриваемого периода традиционными византийскими портовыми городами, с характерными чертами континуитета как в своей пространственной структуре, так и экономической организации. В дальнейшем же их судьбы разошлись. Если в Херсоне специалисты отмечают постепенное перемещение центра экономической жизни от портовой зоны к внутренней части города, то в Боспоре XIII -XIV вв. именно в порт сместилась зона урбанизации, покинув опустевший акрополь.

Сугдея-Солдая и Феодосия-Каффа интересны в том отношении, в каком представляют приклады итальянского влияния как на организацию пространства (крепостное строительство, архитектурные формы, структура порта), так и экономической жизни. Характерны аналогии как в городской стратиграфии, так и во внешнем облике сооружений: так сопоставимы крепости Белгорода-Монкастро и Сарзаны, соотношение фортификационных со-

ружений и зоны портовой урбанизации Балаклавы-Ченбало и Ноли, цитаделей и наскальных построек Солдаи и Портовенере, а также формы ворот, стен, башен в этих городах, общей городской системы Каффы и Генуи и т.п.

В целом показательно, что внутри сравнительно ограниченного региона - Таврики с примыкающими северопонтийскими областями - можно обнаружить несколько различных типов развития городской жизни портовых городов, по-разному отразившейся на организации городского пространства.

Характер и экономические функции менялись с течением времени, вызывая соответствующие изменения в структуре города и его архитектурных формах.

Калинина Т.М.

Москва

ПРИЧЕПТОМОРСКИЕ ГОРОДА В ТРУДАХ АРАБСКИХ АСТРОНОМОВ IX в.

1. Первая плеяда арабских ученых создавала свои произведения на основе трудов античных географов и астрономов. В IX в. при дворе халифа ал-Мамуна был создан "Дом мудрости" - центр переводческой и научной деятельности, в котором переводились астрономические, географические, математические и другие трактаты с греческого, сирийского, индийского и других языков. С греческого переводились сочинения Архимеда, Аристотеля, Эвклида, Галена, Марина Тирского, Птолемея.

2. В первой трети IX в. в "Доме мудрости" трудились, в числе других, Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми и Абу-л-Аббас Мухаммед ибн Касир ал-Фергани. Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми написал "Книгу картины Земли", основанную на "Географическом руководстве" Клавдия Птолемея, (возможно, не напрямую, но через сирийские переводы). Данные Птолемея в очень большой степени вошли в труд ал-Хорезми, хотя и переработанные, а местами и сильно измененные. Ал-Хорезми разделил ойкумену не на 21, а на 7 климатов и в числе прочего материала указал города вокруг Черного моря. Черное море ал-Хорезми не выделил специально, а показывал как часть общего водного массива, тянущегося от Магриба до Лазики. Данные координат отчетливо показывают Средиземное, Тирренское, Адриатическое и Черное моря. Помимо Черного, ал-Хорезми дает координаты для Азовского моря, которое носит название "ал-Батихи", вероятно, являюще-

еся калькой греческого "Меотис". Парадокс данного арабского ученого заключается в том, что в передаче сведений об Азовском море ал-Хорезми совершенно отходит от материалов Птолемея и разделяет эти два водных бассейна - Черное и Азовское моря, показав на месте Боспора Гиммерийского (у Птолемея) некий перешеек, замыкающий с севера часть суши, соответствующую Крымскому полуострову. Эта часть названа "Таукией", что является искаженным греческим словом "Таврика".

Вокруг Черного моря ал-Хорезми указывает координаты пунктов, имеющих соответствия в материалах Птолемея: Кустантиния на побережье - Византий, Амасийа-Амазая Понтийская, Халкидун на море-Халкедон, Харакла-Гераклея Понтийская, Итурма-Терма, Исайрийун-Зефирион Галатийас, Сурийа-Ласкорийа (?), Тимна-Комана Понтийская (?), Анказ(р)а-Анкира, Кирий-Керасус (?), Дисикарийа на море у горы-Диоскурия (и Севастополис Колхидский), Истура на море-Истр, Раснийнис на море-Сивия, она же Борисфен (где Раснийнис и его варианты являются искажением в арабской графике слова "Борисфен"), Луфатарийа-Евпаторий, Синийафа на море-Синопа, Таурсана на море - искаж. Феодосия. На "Затихе", то есть на побережье Азовского моря показаны герода: Арсаса - искаж. Гермонасса, Арсийа на море-Ойнагя (?), Танис на Батихе-Танаис, Саварис на Батихе-Наварис, К - сис-Эксополис, Тирма на Батихе-Тиранба на Меотисе. Сопоставить данные двух авторов помогают координаты, указанные ал-Хорезми. (Сопоставление проведено: Х.Мжик.1938; Т.М.Калинина.1988).

3. Совершенно иной, чем у ал-Хорезми, характер носит труд ал-Фергани: это астрономический трактат, одна небольшая часть которого посвящена описанию земли по семи климатам, причем климаты расположены с востока на запад - по иранской системе (у ал-Хорезми - с запада на восток). Среди земель шестого климата встречаются названия городов: Амазейа, Гераклея, Халкедон, Константинополь. Как кажется, ал-Фергани, в отличие от ал-Хорезми, называл вполне реально существовавшие в его время города (как и страны, народы, области), хотя нельзя исключать и определенного литературного влияния.

Что же касается данных ал-Хорезми в отношении ареала Причерноморья и Приазовья, то они полностью зависят от старых данных Птолемея, как и многие другие описания тех местностей, что на ходились вне реальных сведений ал-Хорезми, а таковые реалии имеются, но не о городах Причерноморья.

Карпов С.П.

Москва

**ИТАЛЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XIII - XV ВВ.
КАК ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

1. Этническая картина Причерноморья накануне итальянской колонизации (в первой половине XIII в.). Византийские и мусульманские традиции городского развития и их сближение. Политическая нестабильность в регионе до татаро-монголов и татарский фактор.

2. Движущие силы колонизации. От чисто торговых интересов во второй половине XIII в. до сильно выраженного политического и имперского мотива в конце XIV - XV вв.

Счевидно, что итальянская колонизация имела четко выраженный торговый характер, даже тогда, когда в ней участвовало не только торговое население. Торговля становится *arte creativa*, искусством созидающим (Дж.Пистарино). Как справедливо замечал Ф.Бродель, "торговая колонизация имеет место, когда иностранец имеет доступ непосредственно к рынку, к производству". Так называемая Венецианская колониальная империя создавалась не ради территорий как таковых и их эксплуатации (вспомним, как часто Венеция отказывалась в XIII в. от Причерноморских владений, а в XV в. от предлагавшихся ей греческих городов и территорий), а ради овладения узловыми пунктами международной торговли и получения средств обеспечения коммерции. Не великое государство типа Византии, а *satena Venezia*, протянутая от Адриатики до Золотого Рога и Золотой Орды была целью итальянских предпринимателей. Однако затем появляется система политических приоритетов и даже такой фактор, как городская ("национальная") гордость и традиция начинают играть определяющую роль при явной убыточности торговли и хроническом дефиците бюджета факторий (генуэзское постулирование опеки над Черным морем с XIV в.; Каффа и Банк Сан Джорджо - XV в.).

3. Латиняне всегда были в меньшинстве. Численные показатели: Пера, 1281 - 1780 генуэзцев (Пононарев); Тана и Трапезунд - 800 венецианцев в XIV - XV вв. (Тирье); Каффа - несколько тысяч латинян при около 60-тысячном населении города в XV в.

4. Кто был колонистом? Крупное купечество, патроны судов играли

особую роль вначале, когда товарные связи непрочны, при высокой степени риска и больших, в сотни процентов, прибылях. Затем постепенно возрастает роль торговых агентов, особенно после кризиса середины XV в., а также и с появлением банков. Среди колонистов всегда много матросов, наемных воинов - социев и стипендиариев. Это как латиняне, так и местные жители (пример казахов). Генуя, как и Венеция, периодически направляла из метрополии в фактории арбалетчиков, ремесленников-настеров, официалов (от консула и массариев - до синдиков-ревизоров, нотариусов и писцов). Проникали в фактории и явные люмпены, просто искали заработка и приключений. Велика была роль молодежи. Первоначально мало (почти нет) женщин среди колонистов. С XIV в. их больше, но баланс всегда в пользу мужчин. Следствием были браки и конкубинат с местными жительницами. Пример гасиулов. Их статус.

5. Динамика этнических процессов: от сегрегации - к сотрудничеству. От обособленных кварталов - к чересполосному расселению в Каффе; отдельные замки на чужой территории (Тана, Трапезунд, Сикиссо). Исключение: Джудекка (Тана). От пренебрежения к аграрной периферии переход к ее захватам (XIV в. - казалии Крыма, XV в. - апанажи Гизольфи, Матрега).

6. Конфессиональные проблемы. Малая результативность католического миссионерства в "обращении" местного населения Крыма и Анатолии и роль православной и армянско-грегорианской церквей. Прагматизм генуэзцев и венецианцев в вопросах веры, контраст с франкской Грецией.

7. Симбиоз и отталкивание - две стороны этнических контактов. Проблема *cives, burgenses* и *habitatores*.

8. Фактория как центр работорговли и искусственной миграции местных этносов из Причерноморья в Италию, Романию и Западную Европу. Роль рабов и рабского населения в городах Крыма и Южного Причерноморья.

9. О проблеме органичности или инородности фактории в социокультурной городской среде средневекового Причерноморья. Оценка синкретичности культуры. Проблема ресурсов жизнеобеспечения фактории, того, могла ли она существовать вне постоянных связей с метрополией и проблема отношений с местным населением и государствами региона. Пример блокированной с 1453 г. Каффы. Кризис 50-х гг. и стабилизация 60-х. Роль социальных и этнических конфликтов в гибели факторий Крыма в 1475 г.

ПОЛЫВИННИЙ Д.И.

Киево

СТОЛИЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ КАК МОДИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ

В цивилизациях, сменявших друг друга на Балканах в древности и средневековье, большую роль играли города. Представление о городе изменялось от эпохи к эпохе, а сам город, особенно столичный, воплощал черты культурной модели своей цивилизации. Так, главный аул болгарского хана - Плиска - воспроизводил представления болгар о мире, центр которого совмещался с их властным и сакральным центром, а вокруг него концентрическими кругами лежали "внутренняя" и "внешняя" области.

С принятием христианства эта самодостаточная модель сменяется иной, где болгарская столица - не только аналог Константинополя, но и воплощение ценностей, одновременно и противоположаемых византийским, и симметричным им: царского престола и патриаршей кафедры, средоточия реликвий и божественных славянских книг. Однако эта модель испытывала известное тяготение к самодостаточности и моноцентризму, отражая как притязания Симеона на ромейский престол, так и дохристианские вариации.

Последнее, допускавшее мобильность государственного центра, сыграло и определенную роль в эпоху борьбы с Византией и имперской властью над Болгарией. Столицы Самуила и Ивана Владислава - Охрид и Титоля - скорее были военными штабами, чем полноценными столицами. Тем не менее, они имели на себе печать новой, преславской традиции.

Эта традиция была воспроизведена в годы восстановления Болгарского государства в конце XII в., когда возрожденная, "первопрестольная" столица Преслав выражала преемственность "обновленного" государства от Болгарии Симеона и Петра.

Параллельно преславской традиции конца XII - начала XIII в. зарождается новая система представлений, подразумевающая уже не раздел наследия Константина Великого с греками, а его трансляцию в Болгарию вначале через переход к болгарам благодати второго мировластного центра империи - Солуни, а после 1204 г. - Константинополя. Но 30-х гг. XIII в. происходит синтез идей с традиционным содержанием болгарской культур-

ной модели, а Тырново превращается в аналог Царьграда. В середине - второй половине XIV в. Тырново воплощает в себе, однако, более сбалансированную модель византийско-болгарского симбиоза, признающую приоритет Константинополя.

Падение Тырнова в 1393 г. в последний раз в истории Болгарии привело к переносу столицы - военной ставки Ивана Шишмана в Никополь - один из древних ханских аулов. С его падением в 1395 г. как бы замыкается круг перемещений болгарской столицы, в каждый конкретный период развития Болгарского государства отражавшей и традицию преемственности, и новые взгляды болгар на изменяющуюся балканскую реальность.

Лебедева Г.Е.

С.-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В работах А.Р.Корсунского был поставлен вопрос о роли традиций в обществе, их влиянии, консерватизме. Изучение этой проблемы на материале ранневизантийского законодательства тесно связано с выявлением "пограничья" различных социальных сословий. Для характеристики социальных отличий и облика сословий (особенно в период последней стадии развития позднеантичного общества с влиянием его многовековых традиций) немаловажным представляется вопрос о том, кто и в какие группы и сословия переходил. С этой точки зрения заслуживают внимания исследования последних лет, по существу подорвавшие господствовавшие прежде представления об эволюции сословия куриалов, традиционной античной муниципальной аристократии. Эти представления сводились к следующему: сословие куриалов быстро разлагалось и приходило в упадок. С реформами императора Анастасия связывали окончательный крах античного самоуправления, в какой-то мере конец античного общества. Государство своим давлением на сословие способствовало его разорению, упадку. Новейшие исследования, отслеживая прежде всего собственные внутренние тенденции сословного развития с учетом влияния интересов и политики государства приходят к несколько иным выводам: в ранневизантийскую эпоху шел интенсивный внутренний процесс дифференциации сословия куриалов, усиления его верхнего слоя. В IV - V вв. до середины VI в. за счет него ин-

тенсивно пополнялось сенаторское сословие. В значительной степени на основе их объединения сложился тот, ныне все более выделяемый исследователями и фактически господствующий в Византии VI в. слой провинциальных нобилей, которые преимущественно господствовали как в городской жизни, жизни провинций, так и в государственном управлении (зряд ли можно столичную знать Константинополя выделить как особую и устойчивую часть знати). Этот слой был достаточно единым по своим интересам, он воспринял от старой муниципальной аристократии ее традиции. Ему мы во многом обязаны консерватизмом ранневизантийского общества, продолжением муниципальных традиций и устойчивостью ранневизантийской государственности, поскольку он достаточно органично соединял полисный, локальный патриотизм, с общегосударственным. Это особенно отчетливо показано в новейших исследованиях Ж. Дагрона.

Г.Л. Курбатов поставил под сомнение традиционно распространенную в нашей историографии точку зрения о том, что сравнительно меньшая роль рабства в Византии по сравнению с Западной Римской империей, наличие свободного крестьянства и общины были несомненными факторами, ускорившими феодализацию Византии и более плавный переход от позднеантичного общества к средневековому. Рассматриваемые им социальные сословия во взаимосвязи и в анимации их эволюций, динамики позволили ученому прийти к выводу о том, что именно они играли более консервативную роль, сглаживая остроту социальных противоречий, поддерживая живучесть муниципально-полисных традиций. Выводы Г.Л. Курбатова смыкаются с выводами Ж. Дагрона об обществе второй половины V - VI вв. Современные исследования ранневизантийского материала не дают оснований для переоценки феодализационных тенденций в законодательстве Юстиниана. Оно защищало позднеантичную систему ценностей и реалий. По нашему мнению, продолжение работы над законодательным материалом открывает новые возможности для уточнения как характера ранневизантийского общества в целом, так и сущности глубочайшего внутреннего кризиса, охватившего ранневизантийское общество с конца VI в., а также позволяет провести более четкую грань между обликом важнейших социальных сословий и групп IV - V вв., VII в. и последующих столетий. Эта проблема начинает более интенсивно разрабатываться на материале различных источников. В частности, открывается перспектива по выявлению ценностных ориентиров византийского духовенства этих столетий. Для IV - V вв. в этом отношении немаловажным было то обстоятельство, что значительная, если не большая его часть, выходила из традиционной полисной среды, а верхушка - из

традиционной муниципальной аристократии.

Что же касается военной знати ранней Византии, которая по своему положению (наследственность, отсутствие земельной базы, государственно-служилый характер и т.д.) не представляла собой особого стабильного сословия, то она не может быть охарактеризована не только как феодальная или раннефеодальная, но даже как феодализирующаяся.

Козлов А.С.
Екатеринбург

КРУПНЫЙ ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ГОРОД И ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИИ

Специфический позднеантичный подъем экономики (продолжавшийся на Западе империи до 70-х гг. IV в., на Востоке - до конца V в.) во многом, как показал Г.Л.Курбатов, связан с подъемом крупного города. Трудность приведения статистических данных тем не менее не мешает говорить о приросте населения крупных центров за счет мелких. На Западе в этом отношении лучше известен материал Галлии (Лион, Трир, Кельн, Арелат и Нарбон), на Востоке, не учитывая крупнейших "мегаполисов" (типа Константинополя, Александрии, Антиохии), Греции (Фессалоника и Коринф) и Малой Азии (Эфес и Тарс). На периферии, в условиях относительно неплотной урбанизации античного типа, очевидно имела место являя "взаимная" миграция между городом и селом - в конечном счете (к VII в.) в пользу последнего (см. материал Северной Африки, Северного и Восточного Причерноморья). Кроме давно зафиксированных в литературе факторов роста городского населения в IV, отчасти - V в., в последнее время обращается внимание на относительно высокий естественный прирост горожан по сравнению с III в. Но вряд ли можно говорить о серьезных темпах роста его удельного веса во всем населении империи. Более значимым источником сдвигов в социальной структуре общества в целом и города в частности (если имеем в виду демографический момент развития) являлась внутренняя миграция.

Возможно, что сравнительно низкий процент городского населения, включенного в торгово-ремесленные корпорации крупного города, отражает защитную реакцию коренного населения на давление пришлого. Но темпы подобной миграции были намного ниже, чем, допустим, во II в., и, кроме такой причины как упадок мелкого города (плюс - соответствующих ему

системных элементов), определялись еще двумя факторами.

1. Относительный подъем позднеантичной деревни составил в миграционных процессах конкуренцию крупному городу; тем не менее "привлекательность" крупного города для хинтерланда умножалась ростом в последнем слоя неполноправных свободных (крупный центр и даже его хора могли временно сберечь полноправному свободному его статус).

2. Административно-иерархическая зависимость городских и сельских общин находила свое выражение и точку опоры в формировании системы внутренней экономической зависимости: крупнейшие города выполняли роль метрополий (полюс развития и эксплуатации) по отношению к центрам провинций, последние - по отношению к мелким городам, те - к селу и т.д.

Крупный город, и особенно столица провинции (на периферии - даже средне-крупный центр вроде Херсонеса), играют в поздней античности очевидно особую, несравненно большую роль, чем во времена принципата. Это обусловлено "очаговым" характером развития позднеантичного подъема. Удельный вес одного-двух крупных центров в общем населении провинции и да е городском ее населении становился гораздо выше, чем во II-III вв. В этих центрах и их хоре зачастую были сосредоточены почти все сохранившиеся экономические и социальные резервы античности. Именно здесь оказался резко усложнен процесс перестройки социальной структуры на рубеже античности и средневековья.

Жизненный уровень потребностей в крупных центрах оставался выше, чем в сельской местности. На сегодняшний день особенно известны североафриканские и гальские данные о разрыве уровней между "метрополисом" и хинтерландом. Сказывалась не только специфически позднеантичная сосредоточенность в городах власти и денег имущих. Экономическая основа подобного разрыва доходов и потребностей - разрыв в степени и характере кооперации мелких хозяйств крупного города и аналогичных хозяйств хинтерланда (что особенно заметно на Западе). Ему продолжал способствовать типичный для античности демонстрационный эффект города (особенно значимый для "метрополисов" Византии).

Вместе с тем миграция в крупные центры IV - V вв. не приводила к такому росту люмпенпролетариата, как в I - II вв. В поздней античности город обнаруживает в этом плане удивительную эластичность. Масса горожан, не включенных в корпорации, не связанная в абсолютной степени с источниками существования внутри понерия ни по производственной, ни по бытовой линии, в значительной степени заново обретала (или сохраняла) сельский уклад жизни, характер связей и представлений хору. То есть и

в этой сфере происходило относительное перемещение "блоков" деревенской жизни в город.

В силу стагнации, а позже - деградации традиционных полисных институтов и производственных ячеек (курий, коллегий) и зарождения не подчиняющихся куриям структур (корпорации и т.д.) прирост населения в крупных центрах сопровождался относительным расширением прослоек и групп, остающихся в сущности "по античному" неурбанизированными (если они являлись из хинтерланда). Отсюда - наряду с прочими противоречиями, накапливающимися в городе, - рост различий между людьми, принадлежащими к городской общине традиционно, и теми, кто не приобщился к ней или приобщился только частично. С продолжающимся распадом полисных структур это вело к росту социальной напряженности, сбиваемой в то же время относительной рустификацией городской жизни.

Серов В.В.

Барнаул

КОНФИСКАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОХОДА ЮСТИНИАНА ВЕЛИКОГО (ПО ДАННЫМ "ТАЙНОЙ ИСТОРИИ")

Вопрос о конфискациях при Юстиниане в отечественной литературе мало изучен. Сложность его состоит в том, что достаточно трудно доказать тот факт, что конфискации в самом широком смысле слова, приносявшие казне большие денежные средства, причем в короткий срок, не могли не использоваться именно с целью получения подобных средств. Однако основания для утверждения такого рода есть. Речь идет о присвоении императором имущества сенаторов как пример наиболее яркий: Прокопий Кесарийский в "Тайной истории" приводит 16 примеров с указанием конкретных имен потерпевших - не только сенаторов, но людей высокого звания вообще.

Расточительность Юстиниана в первые годы нахождения его у власти сменяется в конце 20-х гг. VI в. всеохватывающей экономией государственных средств и всемерным поиском дополнительных источников дохода. Эта ситуация была вызвана рядом обстоятельств внутри- и внешнеполитического характера. Однако усиление налогового бремени не было эффективным методом решения ставших постоянными финансовых проблем, которые к тому же периодически обострялись, требуя немедленного вложения боль-

ших, в основном денежных, средств. Реализация такого рода необходимости незаконными с точки зрения Прокопия методами была тем не менее возможна при определенных условиях.

Император, решившийся на имущественные притеснения сравнительно могущественных сил, каковыми было большинство сенаторов, должен был обладать свободой от обязательств личного свойства перед ними и, что важнее, обладать значительными с точки зрения интересов государства целями, требующими средств. Юстиниан в этом отношении был идеален: в силу причин он не был обязан интронизацией придворным сенаторским группировкам. Сенаторская же аристократия могла представлять для Юстиниана определенную угрозу в так называемой борьбе за доходы. Кроме того, решительности Юстиниана в отношении знати содействовало использование им разного рода общественных традиций. К последним относятся политические традиции античного и эллинистического периодов, а также эпохи империи (сила закона, выразителем которой стал император, право императора осуществлять конфискацию, некоторые черты деспотии и т.д.), которые Юстиниан умело использовал в своих целях, что давало ему моральное право инспирировать поводы для экспроприации, хотя на практике осуществление этого права, конечно, сдерживалось политическими соображениями, что и составляло для него главную трудность. Необходимо отметить также, что при Юстиниане практика конфискаций получила дальнейшее развитие и оформление и в законодательной сфере. Появились новые законы, каравшие конфискацией, особенно за государственные преступления. Наконец, в VI в. завершилась начавшая формироваться еще в период Принципата идеологическая установка, отражавшаяся в Дигестах: принцип "всегда прав".

Таким образом, Юстиниан имел и потребности, и возможность производить изъятие сенаторского имущества самыми разными способами.

Имеет смысл выработка определенной схемы, пригодной для проверки конкретных фактов экспроприации с точки зрения вышеизложенной догадки. Роль слагаемых в этой схеме-уравнении играют: чрезвычайная потребность в средствах, вызванная неожиданными, "незапланированными" расходами и имеющаяся возможность изъять частное имущество, которая в схеме может быть заменена возможностью инспирированной; в сумме же имела место экспроприация.

Поскольку экспроприация знати имела целью получение определенных средств, возникает вопрос о величине имущества различных сенаторов. Касавшиеся его исследователи сходятся во мнении, что очень богатых се-

наторов было немного, но именно они и помогали фиску решать сложные проблемы, хотя количество таких объектов экспроприации было мало в сравнении с количеством лиц сенаторского достоинства, и, следовательно, при Юстиниане в целях пополнения казны использовалось очень малое количество "незаконных" действий, даже если смотреть с позиций сенаторской оппозиции.

Вышеизложенные предположения подтверждаются конкретными примерами, имеющимися у Прокопия и Иоанна Малалы.

Наибольший интерес в свете вышеизложенного представляют примеры экспроприации в период чрезвычайных для казны обстоятельств. Их анализ приводит к интересным результатам. Выявленные моменты, когда казна наиболее нуждалась в деньгах, не представляют собой непрерывного хронологического потока (как принято считать), а образуют вместе с другими фискальными мероприятиями периоды, между которыми наблюдается относительное спокойствие экономической ситуации. Таковых критических периодов по меньшей мере четыре: 528-529 гг., 532 г., 536 г., 541-543 гг. ("Тайная история" написана в 550 г.).

Поскольку исследование опирается в основном на факты из "Тайной истории" Прокопия, возникает вопрос о правдоподобности ее содержания. Несмотря на ряд неточностей, которые легко установить, значительная часть описанных Прокопием событий, особенно фактов притеснения сенаторов, в основе своей реальна.

Наконец, необходимо учитывать, что скрываемые от широких социальных слоев конфискации подобного рода попадали в русло более широкой и явной политической борьбы императора с патрониями и "титулами". Политический аспект проблемы борьбы императора со знатью в определенные моменты уступал место финансовому, экономическому. С точки зрения современников, Юстиниан действовал вполне конституционно и в соответствии с традициями. Для узкого круга приближенных он осуществлял экономическую политику, позволявшую ему справляться с глобальными проблемами, избегая при этом народных волнений и жертвуя представителями знати, обвиненными в чем-либо, еретиками, язычниками, словом, теми, кто приносился в жертву без особых осложнений по сравнению со стоящими перед ними сложностями, требующими немедленного решения.

Белоус О.Ю.
Нижний Тагил

**ОРГАНИЗАЦИЯ РУДНОГО ДЕЛА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
И В ВИЗАНТИИ I - VI ВВ.**

1. История горнорудной промышленности подтверждает важнейшую роль провинций в судьбах Римской империи. Испания и Галлия, Британия, Норик, Паннония, Далмация и Дакия являлись главными поставщиками металлов для Рима. Важнейшей рудной базой Востока были Фракия, Азия, Понт.

2. Приобретая в ходе завоеваний богатые рудные области, имевшие традиции в добыче и производстве металлов, римляне организовали на основе их опыта всю отрасль производства.

Эволюция социально-экономических отношений в горной промышленности Римской империи в различных ее провинциях во многом еще неясна. Это относится прежде всего к вопросу о развитии форм и методов управления римскими предприятиями. Многочисленные античные надписи и сведения античных авторов обычно отрывочны и затрагивают опросы управления рудниками лишь косвенно. Исключение составляют, пожалуй, лишь надписи из испанского рудничного поселка Випаска и восковые таблички из золотых приисков Дакии. Первые характеризуют реформаторскую деятельность Флавиев (69 - 96 гг.). Дакийские рудники имели большое значение при императоре Траяне и его преемниках. И хотя у нас нет столь хороших источников для других провинций, однако эпиграфические находки (надписи на надгробиях, клейма на готовой продукции и т.п.), археологические материалы позволяют смоделировать общую картину организации горного дела в обозначенный нами период.

4. В I - II вв. в богатых полезными ископаемыми областях были созданы экстерриториальные округа, подчинявшиеся непосредственно императору, императорским ведомствам, независимые от муниципального управления. Упрочение экстерриториальности императорских рудников было средством прямого регулирования производства металлов, особенно ценных, и железа с целью усиления экономической и политической власти императоров. Во главе такого округа стоял прокуратор, при котором создавался определенный чиновничий аппарат. Функции его в значительной мере проясняют горнопромышленные декреты из Виспаски. Отдельный рудник на опреде-

ленное время и определенных условиях сдавался кондуктору. При Флавиях и позднее, при Адриане, возрастало значение рудничных прокураторов, возрастала и зависимость от них кондукторов. Последние сдавали в аренду участки рудников или шахты мелким предпринимателям-оккупаторам или колонам. Очевидно, задача кондукторов заключалась в сборе с них вектигалия металлами. Рудничные статуты разрешали оккупаторам и колонам образовывать на паях общества по совместной обработке.

В делах управления рудниками римская политика не была единообразной. Другой способ фиксируют надписи из железных рудников Норика, Паннонии и Далмации, упоминающие более крупных кондукторов, чем в Випаске. Это убеждает в том, что для округов, производящих железо, существовал другой закон (кстати, о нем есть упоминание в випаскском). На Балканах горная промышленность имела свое управление. Особенно много надписей отсюда дошло до нас от III в.

5. Для IV - VI вв. главным источником для изучения управления рудниками являются Кодексы Феодосия и Юстиниана. Титул XIX десятой книги Кодекса Феодосия содержит 14 императорских указов IV в. и один от 424 г. Они были повторены в Кодексе Юстиниана. Если в I - III вв. добыча металлов осуществлялась в основном на государственных предприятиях в пределах экстраординарных округов, то в IV - VI вв. мы наблюдаем обратную картину: основная роль в поставке металлов государству начинают играть мелкие предприниматели. Крупномасштабных предприятий под управлением императорских чиновников или крупных предпринимателей подрядчиков в это время, очевидно, не было.

IV - VI вв. были наиболее благоприятным периодом для развития наемного труда свободных лиц, как более дешевого и рентабельного. Государство пыталось перевести на систему мелкого производства даже добычу золота, облагая владельцев золотоносных земель твердым налогом. Разрешая в целях увеличения производства частную добычу, государство монополизировало скупку всего добытого золота, предписав все, что осталось после уплаты налога, продавать в казну. Роль имперского аппарата свелась в основном к сбору налогов металлами с непосредственных производителей. Вместе с тем можно проследить стремление законодательства создать условия, чтобы это мелкое предпринимательство развивалось на землях именной императора и фиска, и металлургии были наследственной прослойкой свободного населения, лишенной права оставлять свою работу.

Глушанин В.П.

Барнаул

АССЕССОРЫ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ

Данных об ассессорах позднеримских и ранневизантийских военных чинов немного, поэтому часто в историографии их считают полным аналогом ассессоров гражданских администраторов. Отмечается полуофициальный характер их деятельности: независимый от центральной власти подбор их военачальниками как частных юристов. Анализ терминологии показывает, что это далеко не так. В латинском *adessor* синонимичен *consiliarius*. Чаще всего этот термин употребляется в правовых источниках; впервые ассессоры магистратов войск упомянуты в 444 г. (CJ. I. 51.11). Примечательно, что императорское законодательство неизменно нейтрально-благоклонно по отношению к "всенным" ассессорам, и, наоборот, сурово к доместикам дуксов и военных комитов (CJ. I. 51.6). Если доместики (адъютанты военачальников), находящиеся на государственной службе, чинили произвол в угоду своим командирам, то почему не засвидетельствовано же законом "частных" юристов под нажимом своих военных патронов? Знаменитая конституция 534 г. показывает, что "военные" ассессоры были на службе у государства, спланивались им и отделялись от официина: *assessori ducis et officio ac hominibus eius* (CJ.I. 27.2.18). Греческая терминология позволяет отметить нюансы, отсутствующие в латинской. В ранневизантийских источниках понятие "ассессор" варьируется в рамках трех терминов: *semboulos* (*consiliarius*), *paredros*, *synkathedros*. Зосим рассказывает об адвокате, который "был избран Стилихоном *paredros* и одновременно *semboulos*" (Zos. V. 30.4). Иными словами, засвидетельствовал разницу между обоими рангами. Прокопий, скупко сообщая о своей карьере, отметил, что он Велизария "был назначен *semboulos*" (В. Р. I.12.24; I. 1.3). В другом месте, рассказывая об отбытии Велизария из Африки на Сицилию, он называет себя "*paredros ego*" (В. V. I. 14.3). В первом случае, Велизарий стал дуксом Осроэны (Прокопий при нем *semboulos*), во втором, стратегом-автократором, у которого был свой *paredros*. Обращает на себя внимание то, что Прокопий оба раза назначался; несомненно центральной властью, т.е. ассессорат был учитываемой государством должностью.

В эдикте Анастасия ассессор обозначен термином *synkathedros*. Се-

мантически близкие *synkathedros* (совместно сидящий, соучастник) и *paredros* (сидящий возле, соучастник) являются не просто прямым переводом *adessor*, но рангами ранневизантийской армии, своего рода постоянными комиссарами центральной власти в высших эшелонах пограничных и походных войск. Отсутствие ассессоров у дуксов и магистратов войск в "*Notitia Dignitatum*" позволяет предполагать, что создание новой системы контроля правительства над армейской верхушкой в провинциях и походах произошло в V в. В ранней Византии, вероятнее всего, она оформилась при Анастасии, после подавления исаврийских мятежей.

Должности *symboules* и *paredros* не совпадали: этим объясняется удивление Зосима; однако Стилихон, фактический правитель Западной империи, мог позволить себе подобную вольность. Отсюда следует, что существовали две параллельные системы армейского ассессората: советники по делам частно-правовых отношений солдат с провинциалами и военно-политические комиссары. То, что в конце IV в. этого еще не было показывает личное вмешательство Феодосия I в спор между дуксом и корректором провинции по вопросам судопроизводства и его специальное разъяснение, сделанное магистру Востока (СТh. I. 7.2).

Карьера Прокопия - образец того, как гражданский ассессор мог быть поднят до ранга ассессора военного. Подлинным *paredros* при Велизарии в 529 - 531 гг. был Гермоген, исполнявший ранее те же функции при Виталиане (В.Р. I. 13.10). Гермоген инструктировал магистра войск Велизария, сглаживал распри между командирами, составлял донесения в столицу (в том числе о поведении "вверенного" ему военачальника). В какой-то мере, различие в функциях ассессора Прокопия на разных этапах его карьеры сказалось на его отношениях к Велизарии в "Войнах": если *symboules* первой персидской компании в основном восхищался своим патроном, то *paredros* периода итальянских походов довольно критически его воспринимает.

И последнее: думается, что обе ветви военного ассессората ранней Византии находились в ведении служб квестора дворца (гражданские ассессоры) и магистра официй (военные ассессоры).

Кучна В.В.

Болгоград

**ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД X ВЕКА В СИСТЕМЕ МЕР СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
(ПО ДАННЫМ ТРАКТАТА "DE VELITATIONE BELLICA")**

Трактат, известный под наименованием "De velitatione bellica" (Новейшее издание: *Le traité sur la guerilla (De velitatione) de l'empereur Nicephore Phocas. Ed. G.Dagron et H.Mihăescu. P., 1986.* Далее в тексте: *De vel. bell.*), принадлежит военному писателю, творившему, вероятнее всего, на рубеже 70-х и 80-х гг. X в. В трактате обрисована военно-стратегическая ситуация 30-40-летней давности, когда юго-восточные фемы империи находились под постоянной угрозой вражеского нашествия. Почти ежегодно (а иногда два-три раза в год) через границы прорывались мобильные отряды арабов, конные и пешие. Стремительно проникнув в области Киликии, Ликанды, Капподокии и Анатолии, они брали приступом города, опустошали сельскую местность, а затем столь же внезапно поворачивали назад, спеша до зимы вернуться домой с пленными и добычей. Поэтому вопросы, связанные с подготовкой армии и населения к войне, находились в центре внимания военачальников различных рангов. Естественно, их не мог обойти и автор анализируемого сочинения.

Отметим сразу, что общий уровень формулируемых и решаемых им военно-мобилизационных проблем существенно уступает масштабности их постановки его предшественниками. Этому есть две причины.

Первая из них обусловлена такой проблематикой "De velitatione bellica", заранее очерченной рамками задания, полученного от Никифора Фоки (*De vel.bell. Fr., 7-8, p.35-37*): располагая информацией, далеко выходящей за рамки анализируемых сюжетов (*De vel.bell., XXI, I, p.119*), автор императивно связан обязывающим поручением. Вторая определяется номенклатурной принадлежностью нашего автора: он, скорее всего, входит в круг командной элиты на уровне фемного стратига, которому не пристало подниматься до постановки глобальных проблем общеимперского масштаба. Нашему автору хорошо известно "сочинение о полководческом искусстве прославленного и мудрейшего императора Льва" - и чь идет, несомненно, о знаменитой Тактике, принадлежащей перу этого венценосного эрудита. На фоне его концептуальных установок свой собственный во-

енно-научный потенциал автор анализируемого трактата скромно именуется лишь "некоторой опытностью" (De vel. bell. Pr., 2, p. 33), а грандиозную комплексную программу мобилизационных мероприятий, содержащихся в "Тактике" Льва, заменяет разрозненными рекомендациями, посвященными обороне городов.

Автор "De velitatione bellica", несомненно, знаком со всей предшествующей полиоркетической традицией - его предварительное замечание на этот счет весьма характерно (De vel. bell., XXI, 1, p. 119). В дальнейшем он счел возможным и достаточным сосредоточить внимание лишь на отдельных сюжетах, которые изучены им на основании собственного боевого опыта. Так, общетеоретическая рекомендация по созданию продовольственных запасов в осаждаемом городе конкретизирована указанием: каждый, кто ищет спасения под защитой городских стен, должен обеспечить себе пропитание не менее чем на 4 месяца (De vel. bell., XXI, 1, p. 117). С целью лишения неприятеля съестных, фуражных и топливных ресурсов нужно уничтожить все их запасы, оставшиеся вне городских стен: надлежит предать огню даже кровли собственных домов (De vel. bell., XXI, 3, p. 119). Доставку продовольствия в осажденный город следует осуществлять ночью, отвлекая внимание неприятеля имитацией нападения на противоположном участке (De vel. bell. XXI, 5, p. 121). Деблокировать город можно путем нанесения комбинированного удара силами полевой армии в сочетании с вылазкой осажденного гарнизона, предпочтительно также ночью (De vel. bell., XXI, 4, p. 119-121).

Краткость и фрагментарность представленных в трактате полиоркетических сюжетов - свидетельство того факта, что в глазах его автора они не представляют самостоятельной ценности: они лишь аксессуары того метода маневренной войны, описанию которого посвящено сочинение. Но поскольку борьба за овладение населенными пунктами всегда составляет существенную цель любого военного мероприятия, информация на этот счет оказалась на страницах "De velitatione bellica".

Мохов А.С.
Екатеринбург

**К СТРУКТУРЕ ФЕМНОЙ СИСТЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 30-Х ГГ. XI В.
(АДРИАТИЧЕСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА)**

Проблема фемного устройства Византийской империи является одной из самых дискуссионных в византиноведении. Выяснению структуры фем, расположенных на адриатическом побережье Балканского полуострова в XI в. посвящены исследования Т.Васильевского, Г.Г.Литаврина, Я.Ферлуги и других византинистов. В настоящем сообщении рассматривается обстановка, сложившаяся в данном регионе в 30-е гг. XI в., т.е. в момент наибольшего разширения византийских границ на Адриатике.

1. Главным опорным пунктом Византии на Адриатике являлся Диррахий, столица одноименной фемы. После завоевания Болгарии фема, воссозданная в 1005 г. (в конце X - начале XI в. она непродолжительное время находилась в руках Самуила), приобретает особенно важное значение. Отныне фемой управляли дука, которому подчинялись стратеги окрестных небольших фем. Отсюда осуществлялась византийская экспансия в регионе. Кроме того, в Диррахии находилась база византийского флота и перевалочный пункт для войск, направляемых в Южную Италию и Сицилию (особенно в 1038 г. - во время кампании Георгия Манчака против сицилийских арабов).

2. В 30-е гг. XI в. под византийский контроль попала расположенная к северу от фемы Диррахий область Диоклеи-Дукли. С 1018 г. она находилась в вассальной зависимости от Константинополя. Однако византийские власти постоянно вмешивались во внутренние дела области, что привело к восстанию населения во главе с князем Стефаном Воиславом (1034-1036). После подавления восстания византийскими войсками Диоклея была превращена в фему во главе со стратигом (в источниках упоминается, в частности, стратиг Феофил Эротик).

3. Расположенная еще к северу фема Далмация была восстановлена Василием II после присоединения Болгарии. Она охватывала прибрежный район от Дубровника (Рагузы) до Задара (Зары). Византийцы старались контролировать прежде всего побережье, а территории, расположенные вглубь Балканского полуострова, зачастую управлялись местными князьями

на условиях вассальной зависимости от византийского императора. В 1036 г. во время пребывания в Константинополе был арестован далматинский архонт Доброна, а его владения (Задар, Сплит, Трогир и некоторые острова в Адриатическом море) были конфискованы и вошли в состав византийской фемы Далмация. С этого времени и до 1041 г. империя контролировала практически все далматинское побережье. Центр фемы был расположен в Рагузе, там же находилась стоянка военного флота (в 1032 г. эскадра из Рагузы участвовала в отражении набега африканских пиратов на Киклады и побережье Греции).

4. Византийская политика в данном регионе была направлена на подчинение всего адриатического побережья Балканского полуострова вплоть до границ Венеции, которая в первой половине XI в. номинально признавала византийское господство. Методы и приемы византийской политики были характерны не только для Диоклеи и Далмации - сходные методы применялись византийцами и при присоединении закавказских княжеств в конце X - начале XI в. и в 40-х гг. XI в.: вмешательство во внутренние дела вассально-зависимых княжеств, прием на византийскую службу и наделение титулами представителей местной аристократии и, наконец, присоединение новых владений путем применения военной силы или конфискация земель в пользу империи.

В конце X - первой половине XI в. на западных и восточных границах Византии активно осуществлялась политика поглощения полузависимых, граничащих с империей владений, для чего использовались различные методы: от добровольного присоединения до завоевания.

5. Наибольших успехов в данном регионе империя достигла в 1036-1039 гг. В этот период ей удалось поставить под контроль практически все адриатическое побережье (от Диррахия до Задара). Но уже в 1040 г. обстановка резко изменилась: успешное восстание в Диоклее вывело эту область из-под византийского контроля. В 1040 г. империя утратила и свой главный опорный пункт на Адриатике-Диррахий, который был занят войсками Петра Деляна. И хотя после подавления восстания Деляна фема Диррахий была восстановлена, византийцам в XI в. не удалось создать фемную структуру (на адриатическом побережье Балканского полуострова) аналогичную, существовавшей до 1040 г.

Степаненко В.П.

Екатеринбург

**К ЛОКАЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ИВЕРИИ:
(ПО ДАННЫМ СФРАГИСТИКИ)**

В 1985 и 1987 гг. Н.Икономидис опубликовал моливдовул Михаила Катафлорона из собрания Думбартон Окса (ДО.58.106.5502). Со ссылками на работы В.Арутюновой, Р.Бартияна, Э.Хонагмана, К.Юзбашяна автор пришел к следующим выводам:

а) "Внутренняя Иверия" расположена рядом с Манцикертом и не может быть отождествлена с областью Тайк, которая единственно является византийской фемой Иверия, и тем более, с Северной Иверией, которую Скилица называет "более внутренней Иверией".

б) Термин "Иверия" в армянском регионе используется для того, чтобы показать, что местность населена армянами (халкедонитами, т.е. православными), которых греки называли "иверами".

в) Существование административного округа, находящегося в руках армян-халкедонитов и расположенного южнее Тайка (названного "Внутренняя Иверия"), подтверждается печатью Катафлорона.

г) Известный по византийским источникам при Мономахе Лев Сервлий, упразднивший 40-тысячное иверское войско и превративший стратиотские наделы в кураторию, действовал не в феме Иверия, а во Внутренней Иверии.

На наш взгляд, данные выводы нуждаются в существенных коррективах.

1. Фема Иверия территориально никогда не сводилась к собственно Тайку, который был лишь частью владений куропалата Давида Багратида, ставших основой фемы после гибели Багратида в 1001 г. и византийско-грузинской войны 1021-1022 гг. Еще в 976 г. за помощь Василию II в подавлении мятежа Склира Давид получил в пожизненное владение Халтой Арис с клисурой, Чорнайри и Карин, Басеан и крепостцу Севук в Мардали, права на принадлежавший эмирату Мерванидов Диар Бакра Апахуник с Манцикертом. Часть этих территорий принадлежала Византии и известна по Тактикону Икономидиса, часть уже принадлежала Давиду и империя лишь

признала это. Давид же отвоевал Апахуник у эмирата в 992 г., заняв Манцикерт. После убийства Багратида большая часть этих территорий вошла в состав Византии и лишь северные районы Тао были переданы в пожизненное владение царю Грузии Баграту III. Но и они были возвращены империей в результате войны с Грузией в 1021 - 1022 гг. Таким образом, Тао-Тайк был лишь частью созданной около 1021 г. "большой" фемы Иверия.

2. В административном плане Иверия состояла из совокупности "малых" или "армянских" фем, часть которых существовала к 976 г., часть была создана после 1001 г., в том числе и Манцикерт. В 1045 г., после аннексии армянского Ширак-Анийского царства, его территория также вошла в состав фемы, названной "Иверия и Великая Армения". Ее столицей стал Ани. После 1045 г. в составе фемы сохранились "малые" фемы: Федосиополь, Арци, Окоми. Известна печать ректора Никиты, вета и дуки Ани, Великой Армении и Коговита, т.е. фем, созданных на территории царства Армянских Багратидов, но не владений Давида Куропалата.

Лев Сервлии появился в Иверии между 1042 - 1048 гг., создав здесь кураторию. К.Юзбашян полагал, что это произошло до 1045 г., так как "принципы византийского фемного ополчения за столь короткий период на территории Ширака не могли быть внедрены". И действительно, моливдовул Катафлорона свидетельствует о том, что реформы были проведены в старой части фемы и не коснулись территории Ширак-Анийского царства.

Описывая византийско-грузинскую войну 1021 - 1022 гг., Скилица называет Грузинское царство "более внутренней Иверией". Но тогда Внутренней Иверией является византийская фема в границах 1023 - 1045 гг., (до присоединения Ширака). Возможно, она продолжала существовать и после 1045 г. в рамках "большой" фемы Иверия и Великая Армения. Известно, что Лев Таронит, вероятно, осенью 1047 г. был стратигом Иверии, т.е. фемы в границах до 1045 г., тогда как всей Иверией и Великой Арменией командовал Катакалос Кекавмен.

Как следствие, двух самостоятельных Иверий не было. Внутренняя Иверия - это совокупность "малых" фем в составе фемы "Иверия и Великая Армения"; печать Михаила катафлорона свидетельствует о том, что императорская куратория была создана Сервлием именно здесь - на территории фемы Иверия до присоединения с ней Ширак-Анийского царства.

Шандровская В.С.

С.-Петербург

О НЕСКОЛЬКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ XI ВЕКА

При изучении печатей с родовыми именами наиболее важно сопоставление сведений, извлекаемых из легенд моливдовулов, с письменными свидетельствами.

В сообщении рассматриваются печати, владельцами которых были: Евстафий Камица, Константин Катакалон, Константин Онос, Иоанн Таронит.

Имена этих деятелей названы в "Алексиаде" Анны Комниной с указанием места и роли каждого из них в истории византийского государства в XI в. Те же лица в качестве членов сената были участниками Влахернского синода (конец 1094 г.), где наряду с вопросом поклонения святым иконам шла, в частности, речь о конфискации церковной утвари, вызванной необходимостью покрытия императором военных расходов.

Сравнение данных нарративных источников и сфрагистических памятников, хранящихся, в основном, в Эрмитаже позволяет получить представление о названных исторических лицах.

Евстафий Камица, проедр и хартуларий конюшен, в момент синода становится, как показывают печати, сначала новеллисимом, затем протоновеллисимом.

Один из знаменитых генералов Алексея I Комнина Константин Катакалон, оставивший свою подпись на синоде в качестве протокуропалата, был участником многочисленных сражений. За одно из них он получил титул новеллссима ("Алексиада"), о чем сообщает и печать, изданная В.Лораном. Эрмитажная печать указывает на более высокий его титул - протоновеллссима.

"Человеком благородного ума, никому не уступающем в воинском искусстве" называет Анна Комнина полководца Константина Оноса. Можно проследить его: протопроедр в период синода; пагистр и вестарх: протоновеллссим - по печатям.

Представитель известного арийского рода Таронитов Иоанн, лестная характеристика которому дана Анной Комниной, подписывается на синоде как протокуропалат и начальник прошений. Не исключено, что именно он является владельцем эрмитажной печати Иоанна Таронита, протокуропалата.

Любарский Я.Н.

С. - Петербург

ГЕОРГИЙ МОНАХ - НОВЕЛЛИСТ

1. Произведения византийских хронистов обычно представляют себе в виде жесткой хронологической конструкции с неизбежными вкраплениями извне в виде вставных эпизодов и отступлений, служивших для развлечения и нравоучения, а в отдельных случаях и составлявших "идейный фон" сочинения. Между тем, в действительности в византийской хронистике с самого начала существуют на равных правах, а иногда и соревнуются между собой два противоположных начала: жесткая хронологизация событий и повествовательная стихия.

2. Весьма показательна в этом отношении "Хроника" Георгия Монаха, значительную часть которой занимает текст чисто повествовательного характера, обладающий всеми обязательными формальными и содержательными элементами законченного "рассказа" (*recit*). В подавляющем большинстве случаев эти рассказы заимствованы из других произведений или образованы в результате литературной контаминации.

3. По своей структуре, сюжетам, моралистической тенденции "вставные эпизоды" "Хроники" Георгия почти идентичны западным средневековым *exempla*, предназначенным для использования в проповедях, сборники которых получили особенно большое распространение в XIII в. Некоторые из эпизодов, встречающихся у Георгия, не имеют параллелей в византийской литературе, однако точно соответствуют сюжетам *exempla*. Повествовательные эпизоды в "Хронике" Георгия совершенно аналогичны западным *exempla* и по своей функции: проповедник часто берет у Георгия Монаха верх над историком и "Хроника" превращается в проповедь, в контексте которой пользование моралистическими *exempla* уместно и необходимо.

4. Повествовательные элементы "Хроники" Георгия Монаха были едва ли не главной причиной ее необыкновенной популярности в Средние века.

Степанова Е.В.

С.-Петербург

"ВИЗАНТИЙСКИЕ ПЕЧАТИ" С ЛАТИНСКИМИ НАДПИСЯМИ XI-XII ВВ.

Среди печатей XI - XII вв., хранящихся в Эрмитаже, существует группа моливдовулов с латинскими надписями. Изучение этих памятников дает возможность показать их в сравнении с византийскими печатями. Они сохраняют ряд признаков, типичных для византийской сигиллографии XI - XII вв. Это касается использования тех же сфрагистических типов, набора сюжетов; в стиле изображений нередко проявляется сходство с византийскими. В то же время эти печати отличаются от западноевропейских, принесенных на Восток крестоносцами. Таким образом, печати с латинскими легендами занимают промежуточное положение между западноевропейскими и византийскими печатями. Скорее всего, эти моливдовулы могли появиться на латиноязычных территориях, тесно связанных с Византией. К таким территориям, в частности, относится Италия (ближе всего - Юг Италии, Венеция). Некоторые печати, возможно, были связаны своим происхождением с самой Византией и принадлежали латинянам, жившим в империи.

В числе рассматриваемых в сообщениях печатей: - печать Иоанна, магистра каиерариус (функции которого еще предстоит выяснить; на л.с. - редкое сочетание изображений таких святых, как Николай и Яков, датировка - XI в.)

- "Пьетро (?) Марчелло, ... новелиссима (на л.с. - Богоматерь Знамение, XII в.).

- "Петра, пресвитера (круговая надпись сопровождается изображением Христа, на о.с. - Богоматерь Оранта. Сочетание этих двух образов является особенностью этой печати, XI в.).

- "Александра, комита Гравины (на л.с. - Св.Екатерина, образ которой запечатлен лишь на немногих печатях, XI в.) и ряд других печатей.

Цель дальнейшего исследования этой группы моливдовулов - в выявлении их своеобразия, отличия от другого рода сфрагистических памятников.

Гурулева В.В.

С.-Петербург

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ СРБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Один из самых ярких примеров византийского влияния являют собой первые монетные выпуски Сербии, появившиеся в правление Стефана Радослава (1228 - 1234). По технике исполнения и типам изображений они следуют образцам чеканки Фессалоники первой половины XIII в. И даже в надписях Стефан использует родовое имя Дука, подчеркивая свои родственные связи с Византией и приверженность византийским традициям. Сербские нумизматы не обошли вниманием эти интересные монеты. Особенно подробный и всесторонний анализ проведен в статье Д.Гай-Полович (Нумизматичар N 8, 1985).

В настоящее время известно три типа таких монет: один серебряный и два медных. Для них характерна общая композиция оборотных сторон: это стоящие во весь рост фигуры короля и Христа Пантократора (1-й тип), Богородица (2-й тип) и Св.Константина (3-й тип). На лицевых сторонах использованы изображения, типичные для византийской чеканки: Архангела Михаила (1-й тип), Христа Эммануила (2-й тип) и Христа, сидящего на троне (3-й тип).

Первыми были опубликованы и правильно определены в 1914 г. немецким нумизматом К.Штокертом две медные монеты (3-й тип). Интересно отметить, что автор благодарил И.И.Толстого, независимо от него определившего подобную монету своего собрания как выпуск Стефана Радослава и уступившего Штокерту право на ее публикацию.

Неизвестным ранее фактом является то, что 14.06.1920 г. А.К.Марков выступил на заседании РАО с сообщением о найденной им в собрании Эрмитажа неизданной медной монете Стефана Радослава. Сообщение А.К.Маркова после его смерти было доработано нумизматом Эрмитажа С.А.Гамаловым-Чураевым для публикации во втором томе Известий РАИМК (1922), но, к сожалению, в него не вошло (Хранится в архиве Эрмитажа). Монеты этого типа стали известны науке лишь в 1969 г. Серебряная монета была издана в 1937 г.

Выпуски Стефана Радослава малочисленны: серебряных монет было известно 4 экз. (в т.ч. один в Эрмитаже) с двумя вариантами сокращенного написания "Архангел Михаил" на лицевой стороне. К ним можно доба-

вить сейчас пятый, хранящийся в Эрмитаже (происходит из коллекции Н.П.Лихачева), дающий еще один вариант сокращения $\overline{\text{AP}}-\overline{\text{MH}}$. Медных монет 2-го типа известно 7 экз. Один в Эрмитаже, определенный А.К.Марковым), 3-й тип - 10 экз. Кроме того, в результате археологических раскопок 1970-1980 гг. сербской крепости Рас были найдены остатки монетного двора и около 20 медных монет, в большинстве односторонних, чеканенных штемпелем оборотной стороны серебряных выпусков (1-й тип), а также несколько заготовок для монет. Это обстоятельство позволило считать монетные выпуски Стефана Радослава продукцией сербского монетного двора. Однако обращает на себя внимание тот факт, например, что при общей малочисленности серебряных выпусков существовало 3 варианта типа лицевой стороны. Это можно объяснить, если признать, что эти монеты чеканились для Стефана Радослава на фессалоникском монетном дворе, где мастера использовали для лицевой стороны штемпели, применявшиеся для чеканки собственных монет.

Д.Гай-Попович приводит данные спектрального анализа монет Стефана Радослава, хранящиеся в Сербии. Для эрмитажных экземпляров мы сделали сравнительный анализ монет Стефана и фессалоникийских правителей. Результаты показывают идентичность состава серебра и меди сербских и фессалоникийских монет (серебряные монеты содержат примеси меди, свинца, золота; Медные - серебра, свинца, олова). И только монеты, найденные в Расе, отличаются от прочих: здесь медь содержит, помимо серебра, свинца и олова, примеси цинка. Такая разница может объясняться, на мой взгляд, тем, что первоначально монеты для Стефана Радослава чеканили в Фессалонике, а затем (возможно в связи с потерей сильного покровителя в 1230 г.) сербский король решил продолжать чеканку своей монеты в Расе. Тогда и были отчеканены медные монеты с изображением только на оборотной стороне.

Касаясь причин чеканки монет Стефаном Радославом, многие исследователи сходятся во мнении, что их выпуск связан с политическими амбициями сербского короля, обосновавшего таким образом свои права на византийский престол. Трудно представить, однако, что Стефан Радослав не понимал, как малы были его шансы стать византийским императором. Вся политика первых сербских правителей была направлена на то, чтобы любой ценой сохранить и упрочить положение недавно образовавшегося королевства. выгодные династические браки, обретение независимости сербской церкви - все это способствовало укреплению государства. Вероятно, и чеканка Стефаном Радославом собственной монеты может расцениваться как

декларация независимости государства. Следование же византийским образцам в монетном чекане было характерным для многих государств на начальном этапе их существования.

Слепова Т.И.

С.-Петербург

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОНЕТНОГО РЫНКА В ГЕНУИ XV В.

"Мы являемся хозяевами денежных рынков и как таковые диктуем им свои законы", - писал генуэзский сенат своему послу в XVI в. Это могло стать реальностью благодаря тому, что в течение XV в. правители города провели ряд успешных денежных реформ, направленных на укрепление экономической стабильности города. В XV в. в Генуе сложилось две системы денежных единиц: "хорошей монеты" и "ходячей монеты". Регистры "Gabella censaria locorum" свидетельствуют, что курс дукатов - Luoghi, обобщившийся в основном в "ходячей монете", фиксируется в "хорошей", как только ситуация становится нестабильной.

Во второй половине XV в. происходит дальнейшее обесценивание серебряной монеты в Генуе. В городе монетное серебро стоило дороже, чем серебро, идущее на изготовление изделий из него. Один грамм серебряного металла, из которого изготавливались предметы, стоил 13,6 денария, а грамм монетного серебра равнялся 15,6 денария. Таким образом, чеканка монет из серебра была более выгодным делом, чем изготовление из него серебряных изделий. Однако относительно дешево продаваемые в Генуе изделия из серебра имели высокую стоимость в Северной Африке. Эти обстоятельства приводили к огромному расходованию серебряного металла для изготовления на экспорт серебряных изделий, что заставляло Коммуну поддерживать повышенную цену монетного серебра.

Какова же была цена серебра по отношению к цене золота? Рацио очень нестабильно. С 1433 г. по 1480 г. оно колебалось между 10:1 и 12:1. Сенат города периодически понижал его до 10. Изменение рацио вызывало большие трудности при оплате платежей. Банкиры могли получать большие прибыли, расплачиваясь серебряной монетой, в то время как они получали от своих должников только золотую монету.

Генуэзский сенат предписывает правила расчета, осуществляемого в металлической монете. В 1451 г. было установлено, что оплата должна

производится следующим образом: $1/3$ - в "итальянских" флоринах, $1/3$ - в золотых дукатах, $1/3$ - в серебре. С 1459 г. действует новый закон, требующий половину всех торговых сделок осуществлять в золотой монете и половину - в серебряной монете.

Итак, изменения в денежном курсе были весьма часты. И поэтому понятна необходимость упрощения денежной структуры, цель которого заключалась в унифицировании курса монет одного и того же номинала, но различной чеканки. Возникали благоприятные условия для развития монетной торговли, преимущественно серебряной, большое количество ее начинает поступать из Испании. Золотая монета во всяком случае в Северной Италии, несмотря на различные места чекана, имела почти равный вес и была взаимозаменяемой. Выравнивание веса генуэзского дженовино по отношению к другим итальянским монетам диктовалось именно этой политикой.

В результате совокупности реформ по организации денежного рынка города и успешного снабжения его драгоценными металлами, при котором Генуя "оставляла" африканское золото в Испании в обмен на серебро, необходимое для развития внутреннего рынка города, эта морская республика стала во второй половине XVI в. хозяином распределения драгоценных металлов, идущих в Испанию из Америки.

Бармина Н.И.

Екатеринбург

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАНГУПА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Проблема определения этнокультурной принадлежности населения Мангупа до сих пор не решена. Археологические исследования мангупских погребальных комплексов, способных пролить свет на понимание этой проблемы, до недавнего времени носили эпизодический характер, и не случайно, что местонахождение большого городского могильника не установлено. В связи с этим некрополь Мангупской базилики, начало изучения которого было положено работами М.А.Тихановой в 1938 г., а затем продолжено в ходе нашего исследования, приобретает особую значимость.

Раскопки показали, что несмотря на христианский характер памятника в целом (погребения проводились здесь по уже сложившейся христианской обрядности), отдельные его черты несли на себе отпечаток языческой

погребальной практики. Это позволяет по-новому подойти к разработке данной проблемы.

Основываясь на результатах анализа погребального комплекса базилики, можно отметить следующие присущие ему особенности.⁹

1. Смешанный характер погребальных сооружений: а) гробницы, чрезвычайно разнообразные по своему устройству (так называемые склепы, гробницы с плитовым перекрытием и глубоко вырубленные в скале, неглубокие могильные ямы, обставленные плохообработанными каменными блоками и закрытые разного типа резными надгробиями, гробницы со стенами, высоко поднятыми над уровнем пола базилики ("мавзолеи"), не имеющих специального перекрытия, лишь забросаны бутовым камнем и т.д.); б) грунтовые погребения, располагавшиеся, как правило, в несколько ярусов и различающихся друг от друга ориентацией, положением костяков и т.д. В настоящее время на базилике известно более 70 гробниц и более 300 грунтовых погребений.

2. Многообразие погребальной практики, которая проявилась в положении костяка на спине, на правом или левом боку, руками, согнутыми в локтях и лежащими на груди, либо одна из рук - на груди, другая - на животе, либо обеими руками, вытянутыми вдоль тела. Отмечены также погребения "скорченников" и случаи обряда "обезвреживания" погребенных. Специфика ритуальных особенностей выразилась в широком применении целых форм керамид и их крупных фрагментов. Они использовались в качестве "подушки" под затылочную часть черепа, иногда под левую или правую щеку, в отдельных случаях они закрывали лицо. Особенно следует отметить проведение обряда тризны над погребенным, о чем свидетельствуют значительные скопления костей домашних животных и множество обломков керамической посуды, обнаруженных в засыпи погребений.

3. Специфика размещения некрополя: его формирование происходило как внутри самой базилики и сооружений, входящих в ее ансамбль, так и за пределами. Разрастание некрополя происходило в восточном, северном и западном направлениях, с юга захоронения не производились. Анализ погребений внутри стен ансамбля позволяет предположить, что обнаруженные погребальные сооружения около алтарной части базилики, крещальни, часовни, северо-восточного храма, в центральном нефе базилики, в нартексе, у южного и западного входов этих зданий (местах, как известно, более почетных) принадлежали особо значимым представителям клира. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство женских костяков расположены в левой части некрополя, концентрация детских погребений

на его северо-восточном участке.

4. Вопрос об имущественной дифференциации погребенных не решен, тем не менее следует отметить, что только в отдельных гробницах и грунтовых погребениях были обнаружены золотые нити от женской одежды, золотые, серебряные, стеклянные браслеты, кольца, сережки и т.д., что резко контрастирует с крайней бедностью подавляющего числа погребений.

5. Отмеченные особенности некрополя Мангупской базилики позволяют сделать ряд предварительных выводов. В погребальных сооружениях прослеживается влияние культов этносов, соседствующих с Таврикой на северо-западе и востоке. Погребальная практика, выявленная на Мангупе, содержит в себе черты, особенно присущие носителям культур Северо-Кавказского региона (аланы, болгары, хазары).

Таким образом, проблема этнокультурного состава населения средневекового Мангула требует, прежде всего, проведения антропологических исследований широкого сравнительного анализа, на основе которых могут быть сделаны более определенные и обоснованные выводы.

Вегер К.-В.

Вена

ИСТОРИЯ КРЫМА ПО ДАННЫМ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА ВРЕМЕНИ ПАЛЕОЛОГОВ

Большинство данных о Крыме в изданном нами Лексиконе почерпнуто из примечаний в Кодексе 75 монастыря Триады на острове Халки. Они изданы с комментарием греческого историка Марии Нистазопулу. В примечаниях находим даты смерти духовников и членов прихода Сугден (Судака), живших в промежутке с XIII по XV в. Там встречаем многие имена христианизированных татар. Высшие светские начальники носят титул севастос и нередко пансевастос севастос. У четырех из них фамилия может греческого или по крайней мере не местного происхождения. Трое, живших или окончивших жизнь в 1267, 1274 и 1308 гг., именуются Полеас или Пулеас. Та же фамилия передается нам и из области Смирны (один из них Манитзис). У нас нет других доказательств этой фамилии. Большинство севастов или пансевастов носят греческие христианские имена без татарских или вместе с татарскими: Тимофей Топтис, Антоний Алулсу и Стефан, сын пансеваста Алулсу, или только татарские имена, как Кутлупен и Тзотзах.

Даты о смертях иногда сопровождаются известиями об отношениях с татарскими соседями и с другими народами, так о нападении Ногай в 1298 г. и о мирном завоевании Сугдеи полководцем Эзбека Толек-темиром, который тем не менее забрал все колокола и разбил иконы и кресты в 1322 г. такие известия о Крыме переплетаются в нашем лексиконе со сведениями из других источников, например, из Георгия Пахимера, из Мануила Филаса, который посетил Кафу в 1305/06 г., из реестра Константинопольского Патриархата и из папских архивов. Надеюсь, что смогу представить участникам симпозиума полный хронологический список этих данных на немецком языке и истолковать его по-русски.

Климанов Л.Г.

С.-Петербург

**ДОНЖОН И КАМПАНИЛА: ФОРМА UKWIS,
УРБАНИСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ОСВОЕНИЕ ВЕНЕЦИИ И ГЕНУЭЙ КРЫМА**

Венеция и Генуя относятся к типу средиземноморских торговых баз, весьма различно связанных с хинтерландом, что в значительной мере объясняется природно-климатическими особенностями. Их соперничество началось с борьбы за роль основного морского порта Паданской низменности, затем распространилось на Средиземноморье и, после падения Латинской империи, на Черноморье. В Крыму верх одержали генуэзцы. Помимо общеизвестных причин обращает на себя внимание и другое.

На рубеже XIII - XIV вв. в Венеции складывается система власти, полностью принадлежащей консолидировавшемуся наследственному государственно-ориентированному нобилитету. В Генуе государственная идея отсутствовала, не утихала борьба за власть и влияние между переплетающимися политическо-партийными, сословными, клановыми группами - разнонаправленными частными интересами. Соотношение личность (гражданин) и государство в Венеции и Генуе определило различные стратегии при освоении новых заморских земель. Венецианец выступает гражданином государства, под сенью флага которого он действует - этого не забывали даже феодалы Архипелага. Генуэзец (по большей части представитель нобиль-

ской семьи или клана, отстраненный от власти в Генуе) ищет свою форту-ну, им движет частный интерес частного лица, даже когда он выступает как подеста, капитан, кастеллан или массарий заморской колонии - это доказывают тексты надписей и оформление плит генуэзских крепостей.

Венеция и Генуя представляют собой два типа природно-урбанистического ландшафта, две формы пространственной организации природной среды и ее исторической и пространственной композиции. Что, в свою очередь, формирует два различных образа восприятия ландшафта и, более того, два различных пространственно-визуальных образа окружающего мира, ландшафтных опыта, серьезно повлиявшие на своеобразие венецианского и генуэзского мировосприятия. Символическими доминантами этого различия выступают донжон для Генуи и кампанила для Венеции. В Крыму генуэзцы оказались в обстановке, не требовавшей приспособления к непривычным и незнакомым ландшафтам, масштабам, образам, видам и соответствиям. Требовалось только деятельно приложить опыт, приобретенный в родном городе, при обустройстве крепостей крестоносцев, в городах и портах Западного Средиземноморья. Иное дело венецианцы. Во-первых, их опыт организации природной среды, урбанистической композиции, их фортификационный опыт в то время уступал генуэзскому. Во-вторых, венецианскому сознанию были чужды крымские ландшафты. Попробовав в течение нескольких десятилетий воспользоваться оставшимися от венецианцев оборонительно-защитными сооружениями, венецианцы не пожелали или оказались не в состоянии - в чуждой пространственной среде - создавать собственную систему крепостей, укреплений, маяков, отказались закрепляться в Крыму и ушли к устью Дона (Тана). Однако, им не удалось превратить Тану в венецианскую колонию: там обосновались также и генуэзцы, имевшие собственного консула. Ничего подобного генуэзцы не допускали - их колонии в Крыму были исключительно лигурийскими.

В течение XIV - половины XV в. генуэзские фортификаторы освоили места, едва уступающие по размерам самой Лигурии, и создали протяженную и разветвленную систему крепостей, замков, укрепленных навигационных башен-маяков от Керчи (Воспоро) до Балаклавы (Чембало).

Крамаровский М.Г.

С.-Петербург

МАВЗОЛЕИ И ЗИЯРЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА

Средневековый Солхат-Крым с момента своего основания в XIII в. состоял из кварталов трех общин: христианской, иудаистской и мусульманской. С начала XIV в. рост исламской общины делает город преимущественно мусульманским (Крамаровский, 1989. С.141-157). Территориальное соотношение между общинами, видимо, менялось. К середине XVII в. в городе оставалось всего шесть немусульманских кварталов, пять из которых принадлежали грекам и армянам, а один евреям. Изменения межобщинных границ, динамика которых не известна, делает вопрос о мавзолеях интересным по нескольким направлениям. С точки зрения микротопографии средневекового города, чья уличная сеть утрачена, выявление исламских доминант - как шаг в изучении внутриквартальной застройки. С ними, исламскими учреждениями, - мечетями, медресе, странноприимными домами (текие, ханака, ханкага), мавзолеями (дюрбе), которые несли и определенные гражданские функции, связан, особенно с двумя последними, институт зияретов - святых мест. В XVII в. таковых в городе четыре: зиярет дервиша Хараби (из легенды о запустении Эски-Крыма известно, что дервиш похоронен около могилы благочестивого старца Шейха Кемалья, о деятельности которого сообщается в "Летописи кипчакской степи". (Зайончковский, 1969. С. 16), зиярет Чобан-ата, расположенные на базаре, зиярет Алемдар-султана - у ворот Акри, зиярет Пенчели-баба около городской бани (Evliya Celibi, 1928. Р. 666). Ни один из зияретов не может быть сегодня достоверно отождествлен. Учитывая однако, что еще недавно в памяти мусульман Эски-Крыма наибольшей известностью пользовались два ханкага Кемаль-ата и Чобан-ата (Смирнов. 1887. С. 661), и что имена легендарных братьев сохранились в названиях оврага и холмов на картах города XVIII в., можно предположить, что места как минимум двух зияретов в с.-з. и с.-в. частях городища поддаются реконструкции.

В 1991-93 гг. в с.-з. секторе городища на холме Кемаль-ата археологической экспедицией Эрмитажа обнаружен и изучен безымянный мавзолей 2-ой четверти XIV в., который в XVII в. мусульмане Эски-Крыма, возможно, связывали с захоронением легендарного Кемаль-ата еде. Сооружение сохранилось на уровне нижних кладок и состояло из двух помещений: юж-

ного и северного. Общая площадь всего сооружения по внешнему контуру ок. 159,5 кв.м; полезная площадь южного компартимента 18 кв. м (4,0 x 4,5 м), северного - ок. 26 кв. м. (6,0 x 5,9 м). На уровне пола центрального зала (сев. компартимент, отметка - 2,50-2,68 м от 0) помещения разделяла глухая перемычка толщиной 2,50 м: эта толщина стен характерна для всего северного помещения, в то время как стены южного имели разную толщину: западная - 2,35 м, восточная - 2,15 м, южная - 1,10 м. Стены сложены из крупных блоков известняка методом панцирной кладки на известковом растворе (за исключением южной стены). Под полом северного зала расчищена погребальная камера 4,5 x 4,5 м с отметкой пола - 3,4-3,43 м от 0; ее дно выстлано плоским кирпичом. Вход осуществлялся через проем в восточной стене северного помещения через коридор шириной 1,25 м и длиной 4,80 м. На полу погребальной камеры обнаружено множество костных остатков погребенных, располагавшихся крайне неравномерно на площади более 20 кв. м: всего здесь обнаружено не менее 14 костяков в анатомическом беспорядке и еще часть расчищена в коридоре восточного прохода. Места скопления останков выделялись пятнами органического тлена с остатками гробовиц - кусков дерева, фрагментами алебастровой обмазки, гвоздями, железными уголками гробовин. В геометрическом центре камеры обнаружен хорошо отесанный блок известняка (0,8 x 0,2 x 0,2), ориентированный по оси с.-з. Только в заполнении северного компартимента обнаружены фрагменты поливных изразцов с полихромной росписью и легким рельефом. Эта группа изразцов выполнена из кашина и находит близкие аналогии в Поволжье XIII-XIV вв. Фрагменты изразцов с бирюзовой поливой и наполнителем их хорошо обожженной красной глины найдены по всему раскопу и за его пределами, что, вероятно, указывает на их использование в декоре экстерьера, предположительно, отделке купола. Строительство мавзолея велось в три этапа: к первому относится закладка фундаментов и возведение основных стен; на втором этапе между восточным и западным пилонами встроена южная стена, замкнувшая пространство компартимента (стена сложена на глине без перевязок с пилонами и снаружи обмазана тонким слоем известкового раствора); на третьем этапе к ложной стене приставлено парадное крыльцо с площадью в 3 кв.м, к которому вело пять ступеней.

Для датировки мавзолея помимо стратиграфических наблюдений, изразцов XIII - XIV вв. важны монетные находки (три золотоордынских пула). Наиболее существенна монета, найденная на полу коридора, ведущего в погребальную камеру: пул чеканен в г.Крым, без даты, но по типу от-

носит к монетам второй половины XIV в. Можно предположить, что мавзолей был построен около середины XIV в., а в 1346/47 гг., когда в городе свирепствовала чумная эпидемия, дюрбе стало последним пристанищем для наиболее почтенных граждан общины.

Второй мавзолей обнаружен в 1978 г. и раскопан в 1985 г. (Крамаровский. 1987. С. 131, 132). Мавзолей датируется монетами Тохтамыша и Баязида I, времем начала XV в. Обращает на себя внимание находка замкового камня из арки, вероятно, принадлежащая порталу мавзолея. В прямоугольном картуше (22,0 x 11,5 см) на лицевой стороне камня высечена двустрочная надпись: "Махмуд ибн Осман аль-Ирбили" (чтение А.А.Иванова). Не исключено, - правда, на этом нельзя настаивать, - что Махмуд ибн Осман - строитель данного сооружения (в значении "ме'мар" или "бенна", т.е. "архитектор-практик").

Оба новооткрытых памятника принадлежат одному типу однокупольных мавзолеев, упрощенно повторяющих структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц. Сравнение солхатских мавзолеев с мавзолеем XV в. дочери Тохтамыша на Чуфут-Кале показывает, что за пределы Восточного Крыма золотоордынская традиция строительства однокупольных мавзолеев не перешагнула: чуфут-калинское дюрбе повторяет тип малоазийских.

Залеская В.Н.

С.-Петербург

Клад из Ай-Василь:

(ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯЛТЫ).

В 1901 г. при случайных обстоятельствах на глубине 35 см в местечке Ай-Василь (греческая деревня ныне в границах Большой Ялты - древней Ялты) был найден клад, до сих пор остававшийся вне поля зрения исследователей. Клад состоял из полусотни монет и семи серебряных предметов. Преобладали генуэзско-татарские монеты Кафы с гербом Генуи и латинской надписью на аверсе и арабской надписью на реверсе, было пять серебряных татарских монет (четыре - крымских ханов и одна астраханского хана, чеканенная в Укуке); чекан итальянских городов был представлен несколькими генуэзскими образцами и одной венецианской монетой дожа Томазо Мочениго (1414 - 1423), припаянной к серебряному кольцу. Этот материал дает верхнюю дату клада, которая не должна выхо-

дний за пределы 30-х гг. XV в.

В состав клада входили две серебряных позолоченных креста с рельефным изображением Распятия на одной стороне и Богоматери Одигитрии на другой, серебряная цепь и три кольца: с монетой венецианского дожа, с голубой пастовой вставкой и с овальным щитком, украшенным гравированным растительным орнаментом. Иконография изображений на крестах носит западный, итальянский, характер, хотя точных аналогий, которые можно было бы связать с каким-либо конкретным центром Италии, обнаружить не удалось. Уникально сочетание западного типа Распятия и вполне византийского орнамента, покрывающего трехлопастные рукава креста. Такие же византийского типа пальметки имеются на щитке одного из перстней.

Уникальным предметом и наиболее загадочным в смысле установления локализации является серебряная ложчатая чаша с шестилепестковой розеткой на дне. Что касается формы этого сосуда, круглого и тонкостенного, то некоторые параллели могут быть названы среди изделий XV в., происходящих с Балкан и Юж. И Италии. Имеется сходство и с иранскими постперсидскими изделиями, особенно с теми образцами торевтики (одна такая чаша, ложчатая и с изображением стилизованного животного на дне, была найдена на городище Старой Рязани), которые были распространены в эпоху Крестовых походов, но относятся не к чисто восточному типу, а скорее бытовавшему на островах Эгейского архипелага.

Таким образом, клад из Ай-Василия может свидетельствовать о разнообразных историко-культурных связях причерноморской Ялты с итальянскими колониями в Восточном Средиземноморье, так и с Ближним Востоком и монгольским миром.

Лямин А.В.
Екатеринбург

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

Анализ уровня научных знаний позволяет переосмыслить опыт предшествующих поколений, который является одной из составляющих развитие науки нашего времени. Было принято считать, что переломным этапом в области археологических исследований и охраны памятников являлось создание Института истории материальной культуры. Насколько данная орга-

низация восприняла идеи прошлого или отошла от них показывает анализ деятельности Императорской археологической комиссии в области изучения памятников Крыма.

С конца XVIII в. (времени включения Крыма в состав России) появляются первые описания путешественниками памятников Таврики. В первой половине XIX в. на территории некоторых из них были начаты археологические раскопки (Пантикапей, Херсонес), которые производились любителями археологии. В целом для данного периода характерен рост интереса к древностям, о чем свидетельствует появление в России обществ любителей истории и археологии (Москва, Одесса, Казань). Существовавшие только на членские взносы и частные пожертвования, они не имели возможности производить систематические, долговременные археологические исследования. Основной целью таковых являлось пополнение музейных коллекций и собраний.

Созданное в 1846 г. Русское археологическое общество (РАО), имея в своем составе классическое и византийское, славяно-русское и восточное отделения, превалирующее внимание уделяло античным древностям, но вместе с тем разрабатывало основы исследований византийских памятников. Несмотря на активную научную и организационную деятельность, РАО не смогло стать координатором археологических исследований в стране.

Эта задача была возложена на созданную в 1859 г. Императорскую археологическую комиссию (ИАК), которая, используя регулярное правительственное финансирование, должна была руководить раскопками на "казенных и общественных землях". С этого времени начинается борьба комиссии с обществом (в основном Московским и Казанским) за приоритет в российской археологии. Она завершилась в 1889 г. Императорским указом, утвердившим за ИАК "право главного надзора за производством археологических раскопок, реставрацией монументальных памятников истории"

Археологическая комиссия вводит практику выдачи открытых листов обществу и частным лицам на право производства археологических раскопок, устанавливает контроль и формы обязательной отчетности, декларирует сохранение права на публикацию материалов исследований только в течении пяти лет. Комиссия с начала своей деятельности публикует археологические отчеты, а также научные работы, посвященные как отдельным памятникам, так и по определенным проблемам (некоторые археологические общества имели свои периодические издания). Большую роль в координации археологической деятельности, ознакомлении исторической общественности с новыми открытиями играли регулярно создаваемые археологичес-

кие съезды, материалы которых также регулярно публиковались.

В начальный период деятельности ИАК ее внимание было сосредоточено на изучении классических древностей. Проводились раскопки Пантикапей и близлежащих курганов, правда, без должной фиксации их хода (П.Дюбрюкс, А.А.Бобринский, В.Г.Тизенгаузен). Для пополнения коллекций Эрмитажа производилась закупка древностей у населения и торговцев антиквариатом.

С 1888 г. Археологическая комиссия начинает систематические раскопки в Херсонесе, научным руководителем которых стал Н.П.Кондаков, заведовать ими был приглашен любитель-археолог К.К.Косцюшко-Валюжинич.

В качестве положительного в оценке деятельности ИАК следует отметить:

1. Организация систематических раскопок и регулярное правительственное финансирование таких памятников как Херсонес, Пантикапей, Ольвия.

2. Контроль за проведением археологических работ и издание ежегодных отчетов.

3. Организация и проведение выставок археологических находок.

4. Попытка ввести запрет на разрушение памятников археологии на частных землях. Вместе с тем, члены ИАК не смогли преодолеть избирательности объектов исследований, превалировал интерес в античных древностях, что было характерно и для других археологических школ и обществ, работавших на территории Греции и Турции. Часто раскопки производились методически неверно, отсутствовала должная фиксация находок. Руководство Археологической комиссии считало, что находки должны сосредотачиваться в столичных музеях, прежде всего в Эрмитаже и Историческом музее. В стороне от научных интересов исследователей остались многие памятники средневекового Крыма (исключением являются раскопки Р.Х.Лепера на Мангупе), но исследования ИАК в Херсонесе заложили основы для становления византийской археологии, способствовали сохранению некоторых древних памятников от разрушения в ходе строительной деятельности в Северном Причерноморье.

Ошарина О.В.

С. - Петербург

о

ОБ ОДНОЙ ХЕРСОНЕССКОЙ НАХОДКЕ

В собрании Эрмитажа хранится фрагмент прямоугольного краснолакового сосуда с изображением сцены охоты. Он был найден в результате работы Археологической комиссии в Херсонесе и поступил в музей в 1915 г. Первая публикация памятника произведена А.В.Банк. По ее мнению, в центре рельефа представлен человек с копьем в левой руке, ведущий за поводья лошадь. Рядом изображены козел и вставший на задние лапы медведь. Внизу - неизвестное бегущее животное.

Анализ изображений на сосуде позволяет предположить, что здесь представлена охота на льва, а не медведя. Действительно, на эрмитажном сосуде запечатлена одна из многочисленных охотничьих сцен. Традиция изображений охотничьих сюжетов, столь популярная в античное время, нашла свое продолжение в византийском искусстве. Иконографическая схема охот с изображениями мифологических героев: Мелеагра, Адониса, Геракла, Эрота, а также римская триумфальная охота окончательно складываются ко II в. Если до этого времени характерно изображение отдельных видов охот: на львов, кабанов, оленей, то к середине III в. появляются изображения смешанных охот как с участием мифологических героев, так и без них. Миф утрачивает свое значение, переходя в ранг аллегории. По мнению известного исследователя античного и византийского искусства Ф.Кюмона, охотничьи сцены на римских погребальных сооружениях имеют сугубо символическое значение. Это можно видеть и на памятниках прикладного искусства. Византийское искусство заимствует не только сюжетную сторону, но сохраняет и символичность изображений. Сцены с изображением охот можно видеть на разнохарактерных византийских памятниках: мозаике (из Пицца Армерина, Антисхии, Карфагена), на торевтике (находки из Шотландии и Франции), на саркофагах. Широко известно также заимствование сюжетов мозаик и торевтики на керамических и стеклянных сосудах.

Изображению на нашем сосуде, как мне представляется, наиболее близки мозаики виллы Дафна, находки серебра в Карфагене, а также краснолаковые сосуды IV - V вв. из Северной Африки.

Каковкин А.Я.

С.-Петербург

ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА САВАНЕ АУРЕЛИЯ КОЛЛУФА ИЗ БРЮССЕЛЯ
(СЕРЕДИНА V В.)

Разнообразная тканная продукция IV - XII вв., добытая в основном из христианских захоронений в долине Нила и получившая условное название "коптские ткани", изучается вторую сотню лет. И до сих пор главной трудноразрешимой проблемой для специалистов остается датировка памятников. Из десятка тысяч тканей только единицы можно более или менее определенно датировать (благодаря сопроводительному материалу: монеты, письменные памятники и др.). К их числу относится завеса (1,05 x 1,44 м) с многокрасочными изображениями, выполненными в гобеленовой технике. С июня 1901 г. она хранится в Королевском музее искусства и истории (инв. N 2470) в Брюсселе и известна как "саван Аурелия Коллуфа".

Саван был обнаружен в одной из могил около Антинополиса в конце прошлого века. Сравнительно точная дата его устанавливается по найденным вместе с ним пятью папирусам с греческими текстами, относящимся к 50-м гг. V в. Из этих документов (кстати, самых ранних из греческих текстов из этого города) мы узнаем имя умершего (Аурелий Коллуф), имя его жены (Тиссойя) и то, что они были христианами. Довольно точная дата памятника сделала его хронологическим ориентиром для определения времени изготовления схожих тканей и превратила его в хрестоматийный образец коптского ткачества (вряд ли найдется серьезное исследование, посвященное коптским тканям, в котором в том или ином контексте не фигурировал бы этот саван). Однако ряд вопросов, связанных с ним, остается не решенными. Освещению некоторых из них: выяснение специфики подобных завес, рассмотрение взаимоотношений между заказчиками и исполнителями, анализ художественно-символических мотивов (главным образом погрудных изображений мужчины и женщины в верхней части савана, принимаемых за портреты Аурелия Коллуфа и Тиссойи) и др. посвящено данное сообщение.

Зданович Д.В.

Челябьнск

**СИНТАШТИНСКО-МИКЕНСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ:
СТЕПИ ЕВРАЗИИ И ЭЛЛАДСКИЙ РЕГИОН В XVII - XVI ВВ. ДО Н. Э.**

На рубеже III - II тысячелетия до н.э., с появлением в элладском регионе "прагреческого" населения, устанавливаются связи между евразийскими степями и элладским регионом. В XVII - XVI вв. до н.э. на основе общего культурного субстрата и обусловленных им однотипных культурных моделей, а также при наличии культурных контактов, в этой части ойкумены складывается единое культурное пространство - "синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт" (КХГ).

1. Степи и "прагреческий" культурный комплекс. В "прагреческий" культурный комплекс входят: лошади, традиция курганных захоронений, культура каменных боевых топоров и т.д. (Mallory.1991). Обращает на себя внимание в целом глубоко архаический характер культуры "прагреков" - скотоводов и воинов - до их встречи с "минойскими предшественниками и учителями" (Андреев.1993), в том числе, их малое знакомство с обработкой камня для построек и каким-либо изобразительным искусством, кроме искусства геометрического орнамента. Все эти черты принадлежат степному культурному комплексу, исторически связанному с так называемой древнеиной историко-культурной общностью.

2. Степи Евразии в XVII - XVI вв. до н.э. Достигнутый к настоящему времени уровень археологического знания позволяет связывать с периодом XVII - XVI вв. до н.э. особый (и при этом чрезвычайно яркий) этап в истории евразийских степей эпохи бронзы, что в корне меняет характер элладско-"евразийских" сопоставлений. В это время на обширных степных пространствах - от Иртыша и Оби до Дуная и Сейма - складывается тесный блок родственных археологических культур с богатым и сложным "вещным миром". Это - культура многоваликовой керамики (Украина, Восточная Румыния), петровская археологическая культура (Урало-Иртышское междуречье); наиболее ярким явлением этого периода является группа культурных комплексов типа Аркаима и Синташты Южного Зауралья. Возникновение данных культур может рассматриваться как следствие культурной эволюции и взаимных контактов и миграций больших групп "пост-древнеиного" на-

селения. Впоследствии на основе степных культур синташтинско-микенского КХГ складывается алакульско-срубная историко-культурная общность, в свою очередь оказавшая определенное влияние на процесс становления ираноязычных культур скифского круга.

3. Общие культурные черты синташтинско-микенского КХГ. Сюда входят: формы "вещного мира" (вооружение, принадлежности конской упряжи, украшения и т.д.), орнаментальные мотивы, традиция жилой и погребальной архитектуры, формы обрядности - погребальное и жертвоприношения животных и т.д. В степях распространяется микенский импорт (Кузьмина, Смирнов. 1977; Березанская и др. 1986).

4. Культурная модель синташтинско-микенского КХГ. Основная культурная модель синташтинско-микенского КХГ может быть охарактеризована понятием "ранняя цивилизация". В КХГ входят две ранние индоевропейские цивилизации: цивилизация Микенской Греции и степная "цивилизация протогородского типа" (Зданович Г.Б. 1989), представленная комплексами типа Аркаима и Синташты. Ранние цивилизации характеризуются всплеском творческой активности, резким наращиванием объема "вещного мира" и усложнением его структуры. Возможно, что и после "неудачи", постигшей обе распавшиеся цивилизации, их дальнейшее развитие определялось близкими культурными моделями. Об однонаправленной перестройке структур сознания может свидетельствовать появление - как в "пост-микенском", так и в "пост-синташтинском" мире - трупосожжения, геометризма и других черт.

5. Синташтинско-микенский КХГ и индоевропейцы. Как представляется, с существованием древнеямной историко-культурной общности энеолита/ранней бронзы следует ассоциировать уже отделившуюся от общего ствола большую ветвь индоевропейцев, в общем и целом соответствующую греко-индоиранской языковой общности, реконструированной лингвистами. Поэтому концепция синташтинско-микенского КХГ, в принципе, не противоречит тезису о принадлежности восточных памятников КХГ древним индоиранцам (Кузьмина, Смирнов. 1977; Генинг и др. 1991). Однако культура этих индоиранцев далека от моделей "Ригведы" и "Авесты" и еще во многом определяется архаическими протоиндоевропейскими чертами (если не представляет собой "альтернативную" линию индоиранского культургенезиса).

Таким образом, синташтинско-микенский КХГ можно рассматривать как важнейший культурный и исторический этап, завершение которого знаменует собой конец общей греко-индоиранской истории.

Selbst W.

Wien

ZUR SIGILLOGRAPHIE DER STRATEGEN VON CHERSON

Von Strategen des Themas Cherson ist eine erstaunlich hohe Zahl an Bleisiegeln erhalten geblieben. Leider ist nur ein Teil in so guter Qualität abgebildet, daß man darauf solidere Hypothesen aufbauen kann - viele Bullen befinden sich überhaupt nur in einem sehr bescheidenen Erhaltungszustand.

Im folgenden wollen wir versuchen, das erhaltene Material - aufgrund der Angaben in den Editionen¹ - in ein chronologisches Schema zu bringen.

Wir wissen aus Konstantin Porphyrogennetos², daß Theophilos ca. 833 als ersten Strategen von Cherson Πετρωνᾶς ὁ Καματηρὸς einsetzte, mit dem Rang eines πρωτοσπαθάριος. Von ihm kennen wir bislang kein Siegel.

Sehr bald, um die Mitte des 9. Jh., folgte auf ihn ein Φωκᾶς β. σπαθάριος, von dem 3 Bullen wohl desselben Siegeltypus erhalten blieben³. Möglicherweise ist der Mann mit jenem Phokas identisch, der sehr ähnliche Siegeltypen als β. σπαθάριος κ. δρουγγαριος τοῦ Αἰγαίου Πελάγους⁴ und als β. σπαθάριος κ. στρατηγὸς τῆς Ἀνατολῆς⁵ hinterließ.

Auch ein Konstantin, der wohl ebenfalls nur den Rangtitel β. σπαθάριος besaß, war um diese Zeit Strategie⁶. Die bisherigen Siegel wiesen auf dem Avers Anrufungsmonogramme mit dem üblichen Tetragramm auf.

Die große Zahl der Strategensiegel mit dem Patriarchenkreuz auf Stufen leiten zwei Typen des Nikephoros ein, einmal als β. σπαθαροκανδιδάτος⁷, das andere mal als β. πρωτοσπαθάριος⁸. Es handelt sich dabei um ein nimbirtes Kreuz, wobei die Legende rechts oben beginnt, diese Typen sind vor das Ende des 9. Jh. zu datieren, ca. 60er bis 80er Jahre.

Auch das erste Siegel, das einen Ioannes nennt, im Rang eines β. σπαθαροκανδιδάτος⁹, weist diese Besonderheit auf¹⁰.

Wenig jünger dürfte das Siegel eines Theophanios β. πρωτοσπαθάριος sein, wo die Legerde um das nimbirte Kreuz bereits - wie später allgemein üblich - links unten beginnt¹¹. Dieser Typus stammt aus dem letzten Drittel des 9. Jh.

In die Wende 9./10. Jh. würde ich ein Siegel datieren, wo das nimbirte Patriarchenkreuz bereits kleine Zierranken aufweist, wie sie dann im 10. Jh. so beliebt wurden bzw. eine reiche Entfaltung erlebten. Der Mann hieß vielleicht Theodoros und war β. σπαθαροκανδιδάτος¹².

Er dürfte zeitlich nur wenig von einem Ioannes β. πρωτοσπαθάριος entfernt sein, dessen Siegel auf dem Avers ein unnimbirtes Krückenkreuz mit bescheidenen Zierranken aufweist¹³.

Die ältesten Strategensiegel, die eine Theotokosbüste ziert, die eine Christusbüste am Nimbus hält, stammen von Sergios β. σπαθαροκανδιδάτος¹⁴ und Ioannes β. πρωτοσπαθάριος¹⁵; diese Bullen dürften wohl ebenfalls in die Wende 9./10. Jh. gehören.¹⁶

Ins frühere 10. Jh. würde ich die Siegel von Aršavir/Ἀρσάβιρ β. σπαθαροχανδιδάτορ¹⁷ und Ioannes β. πρωτοσπαθάριος¹⁸ datieren, die ein unimbiertes Patriarchenkreuz ohne Zierranken bieten.

Ein recht ähnlicher Typus stammt von einem Ioannes β. πρωτοσπαθάριος¹⁹.

Die nächste Gruppe weist Patriarchenkreuze auf Stufen auf, wobei bescheidene Zierranken etwa bis zum unteren Querbalken reichen. Dazu gehören Typen eines Ioannes²⁰, eines Konstantin²¹ und eines Leon, jeweils mit dem Rangtitel β. πρωτοσπαθάριος²². Für die Datierung ist wohl primär an 2. Viertel 10. Jh. zu denken.

Wenig jünger dürften die Siegel des Georgios πρωτοσπαθάριος sein, die wieder ein Anrufungsmonogramm mit Tetragramm bieten; sie stammen aus der 2. Hälfte des 10. Jh., vielleicht aus dem 3. Viertel²³.

Das ikonographisch anspruchsvolle Siegel des Gregorios β. πρωτοσπαθάριος weist eine Darstellung des Χαριτισμός auf²⁴, ein Argument dafür, daß auch ein zweites Siegel mit dieser Darstellung, wo allerdings der Name des Besitzers weitgehend verloren ist²⁵, von demselben Mann stammt; ca. 2. Hälfte 10. Jh.

Auch das Siegel des Thomas πρωτοσπαθάριος²⁶, von dem mir kein Photo vorliegt, würde ich provisorisch ähnlich datieren, wie auch die Bulle des Theodoros πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου²⁷, mit einer stark zerstörten Heiligenbüste auf dem Avers. Ein Siegelfragment der Sammlung Orghidan²⁸ stellt auf dem Avers eher nicht den hl. Stephanos dar, weshalb auch dieses Indiz für den Namen des Besitzers wegfällt; zudem ist der Rangtitel unsicher. Etwas besser sind wir bei zwei weiteren Bullen daran, wo jeweils der Rangtitel β. πρωτοσπαθάριος lautet und einmal der hl. Nikolaos dargestellt sein dürfte²⁹, einmal Johannes Theologos³⁰.

Einen anderen Siegeltypus vertritt das Siegel eines Niketas πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου, wo auf dem Avers ein Standbild der Theotokos von einer Anrufungsumschrift umgeben ist, und auch auf dem Revers ein Teil der Legende im äußeren Kreisring wiedergegeben wird³¹. Zu einem anderen recht fragmentierten Siegel eines Ioannes β. πρωτοσπαθάριος, über dessen Avers-Seite nichts bekannt ist³², läßt sich schwer eine weiterführende Aussage machen.

Etwa in das letzte Drittel des 10. Jh. würde ich die Siegel von Michael σπαθαροχανδιδάτορ (Avers vielleicht Michaelbüste)³³ und Michael β. πρωτοσπαθάριος (Avers anspruchsvolles Standbild Michaels, Revers mit Perlband-Rand)³⁴ datieren, ebenso die von Ioannes β. πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου (Avers Büste des hl. Johannes Theologos)³⁵ und einem Theodoros πρωτοσπαθάριος, dessen Familienname leider nicht sicher zu lesen ist (Katasach? Kataphloros?), wo auf der Avers-Seite wieder ein Patriarchenkreuz erscheint, mit Zierranken, die das ganze freie Feld ausfüllen³⁶. Recht problematisch ist ein schlecht erhaltenes Stück eines Ioannes ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου, wo auf der Avers-Seite ein Standbild (Johannes?) erscheint³⁷.

Ein stark fragmentiertes Stück, auf dem Name und Rangtitel verloren sind, nennt einen στρατηγὸς πόλεως Χερσώνου; die Avers-Seite weist stark entwickelte Zierranken um das Stufenkreuz auf, unter dem sich eine Perle befindet³⁸.

Vielleicht schon aus der Wende 10./11. Jh. könnte das Siegel eines Epiphaneios β. πρωτοσπαθάριος stammen (Avers Heiligenbüste mit kurzem Bart)³⁹, sowie die Bullen eines Proteuon (Ioannes oder Georgios) β. πρωτοσπαθάριος, mit einem Standbild des hl. Johannes Theologos auf dem Avers⁴⁰, und des Georgios Tzulas β. πρωτοσπαθάριος (mit Schrift auf beiden Seiten des Siegels)⁴¹ und des Michael (?) Kataphloros (?) σπαθαροχανδιδάτος⁴². Problematisch ist ein Siegel mit Schrift auf beiden Seiten, das vielleicht von einem Konstantin Kephias (Kephulas, oder auch Kataphloros?) πρωτοσπαθάριος stammt⁴³.

Sicher aus der ersten Hälfte des 11. Jh. stammen nur zwei Siegeltypen, einer von Konstantin πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου (nur Schrift auf beiden Seiten)⁴⁴ und von Nikephoros Isaites πρωτοσπαθάριος (ebenfalls Schrift auf beiden Seiten)⁴⁵.

Von Leon Aiyates als πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Χερσῶνος καὶ Σουγδαίας kennen wir eine Inschrift aus dem Jahr 1059⁴⁶. In der Sammlung Zacos befindet sich auch ein Siegel dieses Mannes als πατρίκιος καὶ στρατηγός, auf dem allerdings kein Themennamen erscheint; auf dem Avers trägt es eine Theodoros-Büste.

Auf zwei Bullen wurde bisher versuchsweise κατεπάνω Χερσῶνος gelesen⁴⁷, was aber m. E. recht unsicher ist. Auf ersterem Stück, dem Siegel eines πρωτοσπαθάριος ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρυκλίνου, wohl aus dem 10. Jh., dürften die höchst bescheidenen Reste des Amtes oder Kommandos kaum von κατεπάνω stammen, letzteres Siegel mag tatsächlich einen βεσπάρχη καὶ κατεπάνω nennen, aber danach folgt eher ein Familienname (wie etwa Tzulas, Xiphilinos usw.) als die Bezeichnung Χερσῶνος, auch wenn die Buile dort gefunden wurde.

¹ Es ist zu erwarten, daß die Autopsie so manche Korrekturen beisteuern wird - bisher hatte ich kaum ein Original in Händen.

² De a. i. 42, 39-54.

³ Sokolova, Monety 15, 15a und 59.

⁴ Shaw 85 = G. Zacos - A. Vegler, Byzantine Lead Seals I. Basel 1976, Nr. 3167.

⁵ Konstantopulos, Athen 146 α.

⁶ I. V. Sokolova, Monety i pečati Vizantijskogo Chersona. Leningrad 1983, Katalog pečatej Chersona (ab S. 145), Nr. 16.

⁷ DOS (= J. Nesbitt - N. Oikonomides, Catalogue of Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art) I. Washington, D.C. 1991, Nr. 82.19.

⁸ DOS I 82.20.

⁹ G. Zacos, Byzantine Lead Seals II. Bern 1984, Nr. 191.

¹⁰ Hier ist das nimbierte Kreuz allerdings offenbar mit verdickten Enden dargestellt.

¹¹ DOS I 82.22.

- 12 Sokolova 30.
- 13 DOS I 82.14.
- 14 DO I 82.21 a und b.
- 15 Sokolova 19 u. 20; DOS I 82.13.
- 16 Hier ist der Themennamenname XEPCWNAC geschrieben!
- 17 N. Alexeenko - A. Romančuk - I. Sokolova, Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. SBS 4 (Washington, D.C. 1994), Nr. 1.
- 18 DOS I 82.15.
- 19 DOSI 82.15.
- 20 Alexeenko Nr. 2 u. 3.
- 21 Sokolova 31-33.
- 22 Sokolova 34.
- 23 Sokolova 44. 60. 61; Alexeenko Nr. 5.
- 24 DOS I 82.12.
- 25 DOS I 82.23.
- 26 Sokolova 55.
- 27 Sokolova 49.
- 28 V. Laurent, La collection C. Orghidan. Paris 1952, 203; Sokolova 27.
- 29 Sokolova 47.
- 30 Sokolova 46.
- 31 Alexeenko 7.
- 32 Alexeenko Nr. 4. Noch geringer ist unser Informationsstand beim Siegelbruchstück Sokolova 64: Avers unsicher, die Wiedergabe des Namens endete vielleicht mit P, der Mann war πρωτοπαρθένος.
- 33 Sokolova 65.
- 34 DOS I 82.17.
- 35 DOS I 82.16.
- 36 Sokolova 51.
- 37 Sokolova 48; das angebliche ΔΟΥΚΑ in der 2. Zeile wäre sehr erstaunlich.
- 38 Sokolova 52.
- 39 Alexeenko 6.
- 40 Sokolova 45 u. 45a.
- 41 Sokolova 54 u. 54a.
- 42 DOS I 82.18.
- 43 Sokolova 53 u. 53a; die Autorin denkt dagegen an Demetrios Κόμης...
- 44 DOS I 82.11.
- 45 Sokolova 56 u. 56 a; vgl. W. Seibt, Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich I. Wien 1978, S. 139f. mit A. 11.
- 46 V. Latyšev, Etjudy po Vizantijskoj epigrafikě. 3. Nadpis vremeni Isaaka Komnina, najdenaja v Chersonisě. VV 2 (1895) I, 184-188.
- 47 Sokolova 50 u. 57.

Зайков А.В.
Екатеринбург

ПЕРИЭКСКИЕ ПОЛИСЫ В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

При решении до сих пор остающегося спорным вопроса о политико-правовом статусе спартанских периеков необходимо учитывать муниципальное качество этой части лакедемонского общества, иными словами, принимать во внимание то, каким административно-территориальным статусом обладали их населенные пункты.

Периеки жили отдельно от спартиатов, в поселениях на территории Лаконики, Мессении и на острове Киферы. Вероятно, лишь немногие из их населенных пунктов могли бы быть отнесены к городам в физическом смысле этого слова. Среди немногочисленных исключений прежде всего следует назвать главный лаконский порт Гитий и мессенский Пилос. Большинство остальных местечек имели весьма скромные размеры. Наши источники, однако, настойчиво называют эти пункты термином *πόλις*.

Так, например, Ксенофонт сообщает о том, что спартанским царям выделяется земля "во многих из городов периеков" - *ἐν πολλαῖς τῶν περιόρων πόλεων* [Xen. Lac. Pol. 15. 3]. И в другом месте тот же автор говорит о "многих периекских городах" - *πόλλων δὲ περιόρων πόλεων* [Xen. Ages. 2. 24]. Также и Диодор прямо говорит о периекских полисах [Diod. XV. 65. 5]. Жители острова Киферы имели собственный полис [Xen. HG. IV. 8. 8; Scyl. 46; Diod. XIV. 94. 3-6], а между тем они по своему положению являлись лакедемонскими периеками [Thuc. IV. 53. 2].

Демарат у Геродота в разговоре с Ксерксом заявляет, что у лакедемонян много городов, явно имея в виду периекские пункты [Her. VII. 234. 2]. У Фукидида афинские послы в Спарте, вспоминая события Мидийской войны, упрекают лакедемонян в том, что те пришли на помощь, лишь когда Афины были разорены, испугавшись за свои города, и тогда еще населенные, и в последствии оставшиеся нетронутыми [Thuc. I. 74. 3]. Фукидид в рассказе о походе Агиса против Левктр (419 г. до н.э.) говорит о неких городах, доставивших войско. Если принять во внимание, что поход этот закончился на лаконской границе, не успев начаться (жертвоприношения были неблагоприятны), а также то, что Фукидид упоминает лишь лакедемонское ополчение *πανδημεί*, не сказав ничего о союзниках, то по-

лучается, что упомянутые выше города были именно перизкскими [Thuc. V. 54. 1].

Скилак Кариандский в своем "Перилле" перечисляет многие мессенские и лаконские поселения, называя их полисами и прибавляя, что у лакедемонян есть много и других полисов [Scyl. 45;46]. Согласно сообщению Страбона в древности Лаконика называлась "Стоградой" [Strabo VIII. 4. 11; ср.: Eust. ad Il.-II-591. p.293. 36]. Стефан Византийский, поясняя название того или иного перизкского местечка, часто употребляет следующую фразу: "лаконский полис, один из ста" [Steph. Byz. s.v. Αἰῶναια; Ἀνθάνα; Ἀγλὺν; Τῆνος] ¹.

На наш взгляд такое словоупотребление - факт весьма примечательный, который может свидетельствовать о том, что эти перизкские полисы обладали определенной степенью самостоятельности и являлись некими административно-территориальными единицами Лакедемона.

Правильность этой догадки находит свое подтверждение в том, что, как обнаруживается, не все населенные пункты спартанского государства под одним именем "лакедемоняне" повсеместно в античных источниках в античных текстах именуются полисами. Речь идет прежде всего о населенных пунктах в Скиритиде, Кариатиде и Бельминатиде, северных пограничных с Аркадией районах. Так, Ой в Скиритиде назван Ксенофонтон деревней - οἰκίη [Xen. HG. VI. 5. 26], а Стефаном Византийским - местечком - πολίχνιον [Steph. Byz. s.v. Οἶος; ср.: Aeschyl. fr. 143]. Скир назван селением - οἰκιστρία [Steph. Byz. s.v. Σκίρος], а Кари - местностью - χορὸν [Paus. III. 10. 7]. Нигде эти поселения полисами не именуются.

Встречающееся в научной литературе отождествление жителей таких населенных пунктов с перизками является ошибочным ². Отличие прослеживается уже на этническом уровне. Если объединение спартиатов и перизков под одним именем "лакедемоняне" повсеместно в античных источниках [некоторые примеры: Her. VI. 58; VII. 234; IX. 11; 28-29; Thuc. IV. 8. 11; 55. 1; Xen. HG. VI. 4. 15], то жители северных пограничных районов, территориально входивших в состав Лакедемона и подпадавших под юрисдикцию Спарты, нигде, как будто бы, лакедемонянами не называются. Лексикографы дружно определяют Скир как аркадское поселение [Steph. Byz. s.v. Σκίρος], а скирийцев, составлявших отдельный лох в лакедемонском войске, - аркадским лохом [Nesych. s.v. Σκιρίτης; Suda s.v. Σκιρίται = timaeus] ³. Павсаний в рассказе о тегеатской области ут-

верждает, что жители Карий и Ойя в древности входили в число десяти тегеатских демов [Paus. VIII. 45. 1]. Более того, Ксенофонт в "Греческой истории" явно отличает, например, скирийцев и карийцев от перизков [Xen. HG. V. 2. 24; VI. 5. 25].

В эпоху доминирования Спарты в Пелопоннесе все эти районы обычно входили в состав лакедемонской территории. Однако, осознавая себя аркадийцами, некоторые из них периодически отпадали от Спарты, вступая в союз с другими городами Аркадии⁴. Это особенно верно в отношении карийцев, за что лакедемоняне не раз их истязали и возвращали под свою опеку [Thuc. V. 55. 3; Xen. HG. VI. 1. 28].

На наш взгляд, различие в словоупотреблении у наших авторов по отношению, с одной стороны, к перизкским населенным пунктам и, с другой стороны, к поселениям в северных пограничных районах может свидетельствовать о различии в политико-правовом статусе их жителей. Население Кариатиды, Скиритиды и Бельиинатиды, являвшееся частью аркадского этноса, жило по деревням, местечкам, поселкам и т.п. Они, не обладая статусом жителей полхса (муниципального центра), вместе с тем и не попадали в состав сословия перизков. Их положение напоминает скорее статус подчиненных младших союзников. Это подтверждается словоупотреблением Ксенофонта в рассказе о событиях зимы 370/369г. до н.э.: Исхотлай - командир спартанского гарнизона в Скиритиде - надеялся на жителей Ойя именно как на военных союзников - *βούμαχοι* [Xen. HG. VI.5.26].

Напротив, поселения лакедемонских перизков источники как правило именуют полисами. В этом, по-видимому, проявляется то обстоятельство, что сословие перизков в Лакедемонии обладало четким административно-территориальным статусом. Вероятно, лишь принадлежность лица к общине муниципального центра (полхса) делала его перизком. Ближайшей аналогией (далеко не абсолютной) такого института спартанского публичного права, каким являются перизкские полисы, были, судя по всему, римские *municipia sine suffragio*. Жители муниципий этого вида, обладая правами римского гражданства в частно-правовой сфере и сохраняя самоуправление в своих городах, в публичной области были существенным образом умалены, будучи лишены как пассивного, так и активного избирательного права в самом Риме.

Кроме того, по поводу перизкских полисов можно проводить аналогию - до известной степени, конечно-же - и с афинской административно-территориальной практикой. Осмелюсь предположить, что лакедемонские полисы в самом общем политико-административном смысле выполняли те же

функции, что и аттические демы. Это сравнение находит неожиданное подтверждение в одном не совсем ясном пассаже из "Панафинейской речи" Исократ. Оратор замечает, что лакедемонские перизекские города имеют меньше власти, чем демы в Аттике [Isoc. XII. 179]. Это место следует понимать в том смысле, что представители перизекских городов, в которых были собственные органы самоуправления, не могли входить ни в эфорат, ни в герусию, ни принимать участия в апелле в самой Спарте, тогда как афинские граждане, живущие в демах вне городской черты имели право, а иногда были обязаны принимать участие в работе или избрании центральных органов государственной власти. Сравнение лакедемонских полисов с аттическими демами еще более усиливается тем, что тот же Исократ определяет перизексов как *δῆμος*, и как *παῖς*, по отношению к спартиатам-аристократам [Isoc. XII.177-181].

1 Хорошие перечни перизекских селений см. в работах: Niese B. *Bertraege zur Geschichte und Landeskunde Lakedaemons. Die lakedaemonischen Perioeken* // GGN.1906. S.101-142; Boelte F. *Sparta (Geographie)* // RE. 2.Rh. 1929. Bd III. Sp.1303ff. Эти списки дополняет перечень П. Карлсджда, являющийся по сути своей географо-археологическим справочником по лаконским и мессенским поселениям, в которых обнаружены античные археологические материалы; в связи с такой направленностью этот перечень отражает далеко не все известные нам по античным текстам перизекские полисы. См.: Cartledge P. *Sparta and Lakonia. A Regional History 1300 - 362 BC.* London, 1979. P. 325-334.

2 Например: Cartledge P. *Op. cit.* P. 152; Маринович Л.П. *Спарта времени Агиса III* // Античная Греция. Т.2: Кризис полиса. М.,1983. С.263.

3 О неубедительности эмендации Кюстера *λόχος, λακωνισμός* см.: Sturz F.G. *Lexicon Xenophonteanum.* Lipsiae, 1804. Vol. IV P. 52.

4 См. документ, конституирующий Аркадийскую лигу в 370 г. до н.э.: Tod M.N. *A Selection of Greek Historical Inscriptions.* Pt. 2: 403-323 BC. Oxford, 1948. No 132.

Содержание

	стр.
Веуер Н.В. История Крыма по данным Просопографического Лексикона времени Палеологов	46
Бармина Н.И. К вопросу об этнокультурной принадлежности населения средневекового Мангула	44
Белоус О.Ю. Организация рудного дела в Римской империи и в Византии. I -VI вв.	28
Бибиков М.Ю. Городское пространство и экономическая организация северопонтийских портов. X-XV вв.	15
Глушанин Е.П. Ассессоры в ранневизантийской армии	30
Гурулева В.В. Византийские традиции в монетной чеканке Сербии в первой половине XIII в.	41
Saibt W. Zur Sigillographie der Strategen von Cherson	59
Зайков А.В. Перизкские полисы древней Спарты	63
Залесская В.Н. Клад из Ая-Василя (Об историко-культурных связях средневековой Ялты)	51
Зданович Д.Г. Синташтинско-микетский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и Элладский регион в XVII - XVI вв. до н.э.	57
Каковкин А.Я. Об изображениях на сабанах Аурелия Коллуфа из Брюсселя (середина V в.)	56
Калинина Т.М. Причерноморские города в трудах арабских астрономов IX в.	16
Карпов С.П. Итальянская колонизация городов Причерноморья в XIII -XV вв. как этно-социальное явление	18
Климанов Л.Г. Донжон и кампанила: forma urbis, урбанистическое сознание и освоение Венецией и Генуей Крыма	47
Козлов А.С. Крупный позднеантичный город и внутренние миграции	23
Крамаровский М.Г. Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата,...	49
Кучна В.В. Византийский город X века в системе мер стратегической обороны (по данным трактата "De velitatione bellica").....	32
Лебедева Г.Е. Некоторые вопросы эволюции социальной структуры ранневизантийского общества	21

Любарский Я.Н. Герсгий монах - новеллист	39
Ляпин А.В. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Крыма	52
Медведев Н.П. Историческая экология и византийский город: к постановке проблемы	13
Мохов А.С. К структуре феодальной системы Византийской империи в 30-х гг. XI в.	34
Ошарина О.В. Об одной херсонесской находке	55
Поляковская М.А. Место города в исторической судьбе Византии	3
Полывинный Д.И. Столицы средневековой Болгарии как модификация культурной модели	20
Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города	10
Сайко Э.В. К проблеме общего и особенного в развитии древнего и средневекового города	7
Серов В.В. Конфискация как источник доходов Юстиниана Великого: (по данным "Тайной истории")	25
Слепова Т.И. К вопросу о формировании монетного рынка Генуи в XV в.	43
Степаненко В.П. К локализации Внутренней Иверии: (по данным сфрагистики)	36
Степанова Е.В. Византийские печати с латинскими надписями	40
Шандровская В.С. О нескольких исторических деятелях XI в. ...	38